

Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Приамурья, Сахалина и Уссурийскаго края.

(Продолженіе ¹⁾).

ГЛАВА IV.

Сахалинская экспедиція 1853 года. — Невельской назначаетъ начальникомъ экспедиціи неподчиненнаго ему маіора Буссе. — Свѣдѣнія о дѣятельности на Сахалинѣ японцевъ. — Плаваніе корабля «Николай». — Высадка въ Тамари-Анивѣ. — Переговоры съ японцами. Основаніе Муравьевскаго поста. — Декларація Невельскаго. — Причины занятія залива Анива и недоразумѣнія по этому поводу между Невельскимъ и Буссе. — Зимовка на Муравьевскомъ посту. — Дѣятельность лейтенанта Рудановскаго. — Приходъ японскихъ рыболовныхъ судовъ со значительнымъ количествомъ офицеровъ и вооруженной свиты. — Переговоры по этому поводу. — Слухи о войнѣ и эвакуація Сахалина по личной инициативѣ Буссе. — Трактатъ 1855 года. — Устраненіе отъ Сахалинской экспедиціи «Р.-А. К^о». — Посольство въ Японию Муравьева. — Дальнѣйшая судьба Сахалина. — Токийскій трактатъ. — Послѣдствія Сахалинской экспедиціи Буссе. — Зимовка «Николая» и «Иртыша» въ Императорской гавани. — Вѣдствія этихъ судовъ и выручка. — Предположенія Невельскаго по поводу разрыва съ Англійей я Франціей. — Планы Муравьева и сужденія по нимъ Амурскаго комитета. — Рѣшеніе доставки подкрѣпленій въ Николаевскъ по Амуру. — Переговоры по этому поводу съ Китаемъ. — Первый амурскій сплавъ. — Распоряженія Муравьева по прибытію въ Николаевскъ. — Вводъ въ лиманъ судовъ эскадры Путятина. — Оборонительныя работы. — Положеніе Амурскаго отряда къ концу 1854 г. — Атака Петропавловска. — Мысль объ эвакуаціи Петропавловска. — Ошибочность приписыванія этой мысли Муравьеву. — Осуществленіе сказанной мѣры. — Посѣщеніе покинутаго порта англо-французами въ 1855 г. — Стычка въ заливѣ Де-Кастри и ея послѣдствія. — Прибытіе на Амуръ команды погибшаго въ Японіи фрегата «Діана». — Взрывъ брига «Охотскъ». — Второй амурскій сплавъ. — Вводъ русскихъ судовъ на зимовку въ протоку Пальво. — Упраздненіе Амурской экспедиціи и назначеніе Невельскаго начальникомъ штаба главнокомандующаго на Амурѣ. — Мнѣніе Невельскаго объ устройствѣ края. — Появленіе непріятеля въ октябрѣ 1855 г. въ Де-Кастри. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій. — Обратная перевозка войскъ въ Забайкалье. — Образованіе Приморской области.

26 августа 1853 года на рейдѣ въ заливѣ Счастья, противъ Петровскаго поста, бросилъ якорь корабль «Р.-А. К^о» «Николай», привезшій продовольственные запасы на зиму для Амурскаго отряда и личный составъ нижнихъ чиновъ Сахалинскаго отряда. На «Ни-

¹⁾ См. «Воен. Сборн.» № 10.

колаѣ» же прибылъ маіоръ Буссе съ лейтенантомъ Рудановскимъ, при чемъ первый, убѣжденный, что для Сахалинской экспедиціи второго офицера дастъ Невельской и что самый десантъ будетъ отпавленъ къ острову на компанейскомъ бригѣ «Константинъ», специально для того направленномъ въ Петровское, рассчитывалъ вернуться на «Николаѣ» въ Аянъ, а оттуда, черезъ Охотскъ и Якутскъ, къ мѣсту своего служенія при Муравьевѣ—въ Иркутскъ. Между тѣмъ, «Константина» у Петровскаго не было, а время было уже позднее. Къ тому же, при провѣркѣ различныхъ запасовъ, доставленныхъ «Р.-А. К^о», оказалось, что сахалинскій десантъ далеко не обезпеченъ на зиму ни товарами, необходимыми для вымѣна на мѣстѣ свѣжей пищи, ни чаемъ и сахаромъ, ни спиртомъ. ни медикаментами. Это придавало всей Сахалинской экспедиціи значительную долю рискованности и тѣмъ болѣе потому, что «Николаѣ», по данной его командиру инструкціи, долженъ былъ вернуться въ Аянъ, бригъ «Константинъ» могъ въ Петровское и вовсе не попасть, а размѣстить вновь прибывшую команду въ Петровскомъ и пропитать ее въ теченіе зимы не представлялось возможнымъ. Тогда Невельской, не ссаживая на берегъ десанта и назначивъ собственною властью его начальникомъ маіора Буссе (по немѣнью для того другихъ свободныхъ офицеровъ), рѣшилъ самъ направиться на «Николаѣ» въ Аянъ.

При подходѣ «Николая» къ Аяну, мертвый штиль принудилъ судно бросить якорь у входа въ бухту. Вскорѣ на бортъ явился посланный отъ начальника Аянской факторіи, капитана Кашеварова, и привезъ категорическое приказаніе послѣдняго: «Николаю» немедленно идти въ Ситху, согласно распоряженію главнаго правленія «Р.-А. К^о». Изъ дальнѣйшихъ переговоровъ выяснилось, что Кашеваровъ, какъ имѣющій свое непосредственное начальство и обязанный подчиняться приказаніямъ такового, иначе поступить не можетъ. При разговорѣ съ высадившимся на берегъ маіоромъ Буссе, онъ заявилъ: «Николаѣ» завтра пойдетъ въ Ситху, если бы даже пришлось самого Невельского отвезти туда». Положеніе становилось затруднительнымъ, даже безвыходнымъ, ибо другого судна для экспедиціи не было. Но Невельской, какъ и при всякихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, выходъ нашель: онъ отправился къ Кашеварову самъ, заявилъ ему, что всю отвѣтственность беретъ на себя, обязался донести объ этомъ какъ генераль губернатору Восточной Сибири, такъ и главному правленію «Р.-А. К^о», и инцидентъ былъ исчерпанъ.

Буссе утверждаетъ, будто переговоры по этому поводу между Невельскимъ и Кашеваровымъ были крайне бурны и обрисовывали личность послѣдняго полностью и весьма въ невыгодномъ свѣтѣ. Завершеніе переговоровъ въ духѣ настояній Невельскаго и финалъ ихъ—взаимныя объятія — онъ сопровождаетъ фразою: «Невельской, обнимая такого человѣка какъ Кашеваровъ, дѣлалъ великую и благородную жертву для пользы дѣла». Однако, самъ Невельской и другой свидѣтель переговоровъ, Рудановскій, говорятъ совсѣмъ другимъ языкомъ. Указывая на то обстоятельство, что Кашеваровъ былъ *обязанъ* исполнять волю своего прямого начальства, они утверждаютъ, что постановка вопроса, предложенная Невельскимъ, была тотчасъ же принята Кашеваровымъ, незамедлившимъ приложить всѣ старанія и полную энергію къ успѣшности экспедиціи на «Николаѣ», а также къ снабженію отряда значительнымъ запасомъ товаровъ, какъ средствомъ для вымѣна на мѣстѣ необходимыхъ припасовъ, отпустить которыхъ натурою онъ не имѣлъ возможности.

Еще при первомъ свиданіи съ Невельскимъ въ Петровскомъ, Вуссе, отъ имени Муравьева, передалъ ему, что, согласно инструкціямъ изъ Петербурга, занятіе на Сахалинѣ залива Анивы строжайше запрещено. Чтобы понять это запрещеніе, слѣдуетъ сказать пару словъ о тѣхъ свѣдѣніяхъ о Сахалинѣ, кои имѣлись тогда въ виду нашими правительственными органами и кои болѣе или менѣе совпадали съ дѣйствительностью.

Въ началѣ XIX вѣка въ Японіи стала ощущаться значительная потребность въ увеличеніи рыбныхъ промысловъ, частью вслѣдствіе истощенія рыбныхъ богатствъ у береговъ японскихъ острововъ, частью по причинѣ увеличенія народонаселенія и перехода въ странѣ къ интенсивному хозяйству въ области земледѣлія (селедочный тукъ). Сахалинъ въ этомъ отношеніи могъ представить превосходную колонію, какъ по близости ея отъ метрополіи, такъ и по исключительному множеству и разнообразію рыбы, буквально «запружавшей» временами многія бухты острова. Изъ боязни-де, что Сахалиномъ, номинально принадлежавшимъ Китаю, рано или поздно завладѣютъ русскіе, японцы будто бы заключили трактатъ съ Китаемъ, по которому островъ былъ раздѣленъ на двѣ почти равныя части, съ оставленіемъ сѣверной части во владѣніи Китая и съ передачей южной части Японіи. Послѣ заключенія такого трактата, японцы стали обосновываться на южныхъ берегахъ Сахалина и въ особенности въ заливѣ Анива, легендарно богатомъ

селедкой и до настоящаго времени. Не встрѣтивъ сопротивленія отъ туземцевъ—одноплеменниковъ съ жителями Мацмая—они начали оцѣплять въ весеннюю и лѣтнюю поры своими рыбалками все побережье острова до 48 паралели и не замедлили обратить айновъ въ жалкихъ работниковъ, съ помощью которыхъ японскій промыселъ принималъ все большіе и большіе размѣры. Такъ какъ вся промышленность и торговля Японіи уже и тогда паходились подъ бдительнымъ присмотромъ правительственныхъ агентовъ, то и сахалинскіе рыбные промыслы находились подъ надзоромъ особаго офицера, пріѣзжавшаго въ Аниву съ первыми и уѣзжавшаго на родину съ послѣдними рыболовными судами. На зиму въ Анивѣ оставалось человекъ 25 японцевъ для присмотра за снастями и строеніями, служившими лѣтними складами всякихъ запасовъ. Считаая южную часть Сахалина своею, японцы-де стремились распространить на нее запретъ проникновенія въ страну иностранцевъ, подобно запрету, фактически существовавшему на самихъ японскихъ островахъ. Это то положеніе и обусловило вышешепянутую инструкцію изъ Петербурга, вѣрнѣе изъ канцеляріи графа Нессельроде, сотворившаго себѣ кумира изъ понятія объ осторожности.

Между тѣмъ, приказаніе огнюдь не занимать Аниву ставило Невельского въ крайне тяжелое положеніе. Оно прямо противорѣчило результатамъ его рекогносцировки Сахалина, о которой уже было сказано. Оно противорѣчило личнымъ убѣжденіямъ Невельского о принадлежности Сахалина Россіи, убѣжденіямъ, вполне основательнымъ: согласно Нерчинскому трактату, Сахалинъ во всякомъ случаѣ входилъ въ районъ неразграниченныхъ земель, по многимъ даннымъ онъ скорѣе долженъ былъ принадлежать Россіи, чѣмъ Китаю; трактатъ между Японіей и Китаемъ о раздѣленіи острова офиціально не былъ намъ извѣстенъ, да и не могъ считаться актомъ законнымъ по силѣ того же Нерчинскаго трактата, конечно, по силѣ текста послѣдняго, а не толкованій нессельродовской дипломатіи, толкованій, умышленно направленныхъ не къ пользѣ, а къ вреду для своего отечества. Наконецъ, высаживать десантъ въ пустынь, да еще осенью и на всю зиму, было бы прямо неразумнымъ; а вѣнъ залива Анива, гдѣ имѣлись японскія строенія, склады и запасы, которыми можно было воспользоваться тѣмъ или инымъ мирнымъ способомъ, Сахалинъ дѣйствительно представлялъ собою пустыню. И вотъ, Невельской вновь рѣшается дѣйствовать въ разрѣзъ съ преподанной ему инструкціей, рѣшается направить десантъ

именно въ Аниву. Тщетно протестуетъ противъ этого Буссе, какъ тщетно протестуетъ онъ и противъ назначенія его, неподчиненнаго Невельскому, начальникомъ десанта. Невельской остается непоколебимымъ и въ своихъ приказаніяхъ не отступаетъ ни въ чемъ ни на шагъ.

Покинувъ Аянъ 3 сентября, «Николай» бросилъ якорь противъ японскаго селенія Тамари-Анива 20 числа того же мѣсяца, въ 8 часовъ вечера. Приходъ судна возбудилъ на берегу тревогу; показались огни; въ позднихъ сумеркахъ наши увидѣли нѣчто въ родѣ береговой батареи и суетившихся около нея людей. Всю ночь на кораблѣ были на чеку; орудія держали заряженными картечью. Но ночь миновала безъ приключеній, а на разсвѣтѣ на берегу все казалось спокойнымъ. Невельской рѣшилъ произвести рекогносцировку берега для выбора мѣста высадки. Буссе опять протестуетъ противъ этой мѣры, ссылаясь на приказаніе Муравьева не тревожить японцевъ и на необходимость осторожности дѣйствій. «Духъ экспедиціи нашей—заявилъ онъ—измѣнился; теперь пушки и ядра будутъ болѣе на виду, чѣмъ товары; какое это будетъ имѣть вліяніе на наши политическія сношенія съ Японіей и на переговоры адмирала Путятина въ Нагасаки—я не знаю; но не думаю, чтобы выгодное». Возражая ему, Невельской между прочимъ указывалъ, что, «покровительствуя свободному промыслу японцевъ на Сахалинѣ и защищая ихъ наравнѣ съ инородцами отъ всякихъ насилій и произвольныхъ распоряженій иностранцевъ, мы отклонимъ всякія съ ихъ стороны непріязненныя къ намъ отношенія и свяжемъ ихъ съ нами болѣе тѣсною дружбой».

Въ 7 часовъ утра 21 сентября отъ «Николая» отвалила шлюпка съ Невельскимъ, съ взятымъ имъ съ собою Бошнякомъ и съ Буссе; обошли все побережье и осмотрѣли въ достаточной близости батарею, оказавшуюся вооруженной деревянными болванками, окрашенными въ черный цвѣтъ; затѣмъ вернулись на корабль. День прошелъ безъ происшествій.

Въ 8 ч. утра 22 сентября «Николай» подошелъ на картечный выстрѣлъ къ берегу, а вскорѣ послѣ этого отъ него отдѣлились вооруженный барказъ съ 25 человекъ десанта, подъ начальствомъ лейтенанта Рудановскаго, и шестерка съ Невельскимъ и Буссе. При приближеніи къ берегу, изъ находившихся тамъ строевыхъ выбѣжала толпа айновъ, предводительствуемая четырьмя японцами, размахивавшими саблями. Толпѣ этой переводчикъ прокричалъ, что пришли русскіе, что хотятъ они поселиться въ Тамари,

будутъ защищать японцевъ и айновъ отъ иностранцевъ и дурного жителямъ селенія не сдѣлають; если же толпа не разоидется —будетъ плохо. Айны тотчасъ же начали кланяться нашимъ; ихъ примѣру послѣдовали и японцы. Тогда приступили къ высадкѣ десанта и выгрузкѣ двухъ орудій при равнодушномъ къ этому отношеніи японцевъ и при помощи айновъ. По установкѣ же на берегу орудій, тутъ же водрузили флагштокъ, команда выстроилась, пропѣла молитву, а затѣмъ взвился андреевскій флагъ при салютѣ какъ на берегу, такъ и съ корабля.

Дальнѣйшія объясненія съ мѣстными жителями вполне успокоили японцевъ, но пришлось не совсѣмъ по вкусу айнамъ. Послѣдніе видимо разсчитывали, что русскіе, по примѣру Хвостова и Давыдова, позволятъ имъ разграбить и перерѣзать японцевъ, къ которымъ въ тайникѣ душъ своихъ они питали большую ненависть. Айны даже взломали одинъ изъ японскихъ складовъ, тамъ добрались до сакэ, перепились и разыграли пародію бунта. Но Невельской быстро ихъ усмирить, внушительно осадилъ одного айна, бросившагося на него съ ножомъ, объявилъ, что при повтореніи чего либо подобнаго зачинщики будутъ тутъ же повѣшены—и туземцы успокоились.

Къ 25 сентября было окончательно выбрано мѣсто для нашего военного поста на территоріи японцевъ, имѣвшихъ тамъ два сарая, охотно ими предоставленныхъ для нуждъ отряда за небольшую плату. У поста возвели батарею, расположивъ ее такимъ образомъ, что все селеніе Тамари, всѣ японскіе магазины и полоса берега противъ поста находились подъ прекраснымъ обстрѣломъ; на вооруженіе батареи поставили пять 12-фунтовыхъ каронадъ и три пушки. Постъ нарекли Муравьевскимъ.

Въ то же время на «Николаѣ» былъ устроенъ обѣдъ въ честь старѣйшинъ японцевъ и айновъ, а за обѣдомъ Невельской вручилъ японцамъ слѣдующую свою декларацию, приводимую дословно, во всей неприкосновенности, какъ образчикъ замѣчательнаго дипломатическаго документа, преисполненнаго твердостью и національнымъ достоинствомъ, столь рѣдко встрѣчавшихся въ актахъ русскихъ професіональныхъ дипломатовъ школы графа Нессельроде.

„На основаніи трактата, заключеннаго между Россіей и Китаемъ въ г. Нерчинскѣ въ 1689 году, островъ Сахалинъ, какъ продолженіе нижеамурскаго бассейна, составляетъ принадлежность Россіи. Кромѣ того, еще въ началѣ XVI столѣтія удскіе наши тунгусы (ороки) заняли этотъ островъ. Засимъ, въ 1740-хъ годахъ русскіе первые сдѣлали описаніе онаго и, наконецъ, въ 1806 году Хвостовъ и Давыдовъ заняли заливъ Аниву.

Такимъ образомъ, территорія острова Сахалина составляла всегда неотъемлемую принадлежность Россіи. Всемилостивѣйшій Государь мой, Императоръ Николай I, освѣдомившись, что въ послѣднее время около этихъ береговъ плаваютъ много иностранныхъ судовъ и что командами ихъ производятся разныя беспорядки на этихъ берегахъ и причиняются насилія обитателямъ оныхъ, находящимся подъ державою Его Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего Императора, Высочайше миѣ повелѣть изволилъ: поставить въ главныхъ пунктахъ острова надлежащія посты въ тѣхъ видахъ, чтобы личность и собственность каждаго изъ его здѣсь подданныхъ, а равно и японцевъ, производящихъ промыслы и торговлю на территоріи Его Величества, была надежно ограждена отъ всякихъ подобныхъ насилій и произвольныхъ распоряженій иностранцевъ, и чтобы подданнымъ Японской имперіи не только не препятствовать свободную здѣсь торговлю и промыслы, но всѣми средствами ограждать и способствовать онымъ, насколько то соотвѣтственно съ верховными правами Его Императорскаго Величества Государя моего на эту территорію и той тѣсной дружбѣ, которую Россія искренно желаетъ всегда сохранить съ Японской имперіей. Во исполненіе этой Высочайшей воли, я, нижеподписавшійся, начальникъ этого края, 22 сентября 1853 года въ главномъ пунктѣ острова Сахалина, Тамара-Анива, и поставилъ русскій Муравьевскій постъ съ упомянутой дѣлюю. Завѣдывать этимъ постомъ и островомъ назначенъ мною Его Императорскаго Величества майоръ Н. В. Буссе, а потому къ нему, какъ ближайшей здѣсь власти руссійской, при всякихъ недоразумѣніяхъ и тому подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ обращаться“.

Поздняя осень, отсутствіе удобной стоянки для зимовки, возможность прибытія къ устьямъ Амура американской эскадры и необходимость нахождения тамъ же начальника нашей Амурской экспедиціи—все это не позволяло Невельскому, выполнившему главную и труднѣйшую задачу занятія Сахалина, задерживаться у Тамари. 26 сентября, оставивъ на берегу команду въ 70 матросовъ и казаковъ съ Буссе и Рудановскимъ, онъ вышелъ на «Николаѣ» въ море.

Майоръ Буссе, какъ было сказано, крайне не сочувствовалъ занятію русскимъ постомъ окрестностей японскаго селенія Тамари. Еще по поводу предварительнаго рѣшенія Невельскаго занять этотъ пунктъ, сообщеннаго ему въ Аянѣ, онъ писалъ: «Мнѣ досадно было слышать неосновательныя и малосерьезныя разсужденія о дѣлѣ, которое неудачное исполненіе могло произвести очень дурное вліяніе на наши отношенія къ Японіи и Китаю, да и на самое владѣніе Сахалиномъ и его жителями». Исходя изъ того соображенія, что раіоновъ, занятыхъ японцами, касаться не полагалось, что складовъ ихъ трогать было нельзя и т. п., онъ настойчиво предлагалъ обосноваться не въ заливѣ Анивѣ, а въ Косунаѣ, сѣвернѣе котораго японцы своихъ селеній не имѣли; на случай же принятія

окончательнаго рѣшенія занять тотъ или другой участокъ въ запретной полосѣ побережья Анивы, онъ предлагалъ поставить постъ не у Тамари, а за сѣвернымъ мысомъ прилегавшей къ этому селенію бухты, въ сторонѣ отъ японцевъ, и такое расположеніе считалъ единственно допустимымъ. Въ доказательствахъ правильности своей точки зрѣнія и въ обвиненіяхъ Невельского въ необдуманности его распоряженій онъ доходилъ до рѣзкаго упрека въ томъ, что Невельской хотѣлъ-де возможно скорѣе «выбросить на берегъ» Сахалинскій отрядъ изъ за личныхъ и при томъ узкихъ интересовъ, изъ за стремленія уйти съ Сахалина въ удобное еще для плаванія время.

Такое обвиненіе явно несправедливо. Не повторяя мотивовъ, положенныхъ въ основу распоряженій Невельского имъ самимъ, приведемъ по этому поводу сужденія другихъ сопричастныхъ съ экспедиціею лицъ, близко знавшихъ мѣстныя условія, сужденія, носящія повидимому характеръ полной объективности.

Бошнякъ утверждаетъ, что заливъ Анива представлялъ собою единственно удобное на Сахалинѣ мѣсто для высадки и что занятіе на островѣ какого либо другого пункта «въ такое позднее время года и безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, значило бы погрести ихъ (людей) заранѣе». Рудановскій свидѣтельствуетъ, что если бы наши обосновались не только въ Косунаѣ, за 300 верстъ отъ Тамари, но даже за горою у самаго названнаго селенія, то русскій постъ всегда находился бы въ окончательномъ невѣдѣніи о творящемся у японцевъ, въ невѣдѣніи ихъ намѣреній и въ состояніи полной невозможности оградиться отъ нечаяннаго со стороны японцевъ нападенія, котораго такъ опасался самъ Буссе. «Удачно поставленный постъ — говоритъ Рудановскій — сдѣлалъ насъ полными хозяевами Сахалина». Что же касается соображеній по части высшей политики, то не слѣдуетъ забывать, что тогдашняя обстановка не вызывала необходимости особо бережнаго отношенія къ болѣе нежели проблематическимъ державнымъ правамъ Японіи на южную часть Сахалина и не вызывала до такой степени, что даже наша архи-осторожная дипломатія не сочла нужнымъ увѣдомить адмирала Путятина, пребывавшаго въ то время въ Нагасаки и переговаривавшагося съ японскимъ правительствомъ о торговыхъ сношеніяхъ, относительно состоявшагося Высочайшаго повелѣнія занять Сахалинъ. Къ тому же Невельской сумѣлъ сразу поставить нашу экспедицію въ прекрасныя отношенія съ японскими рыбопромышленниками, занимавшимися своимъ промысломъ

въ южныхъ водахъ Сахалина, и эта его политика получила наиболѣе правильную оцѣнку въ нижеслѣдующей выдержкѣ изъ письма Муравьева къ Великому Князю Константину Николаевичу отъ 2 марта 1854 г.: «Весьма замѣчательно обращеніе Невельского съ японскими властями и жителями Сахалина, а въ особенности то, что и тѣ и другіе собираются спокойно спать подъ защитой нашей батареи и команды. Все это доказываетъ довѣріе и уваженіе, пріобрѣтенныя Амурскою экспедиціею, не смотря на всегдашнія въ томъ сомнѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ; оно не можетъ повѣрить, что прямыми и добросовѣстными дѣйствіями съ надлежащею энергіею можно было успѣвать, тогда какъ оно, всѣми своими хитростями и страхомъ англичанъ, никогда ничего полезнаго для Россіи не достигло»...

По уходѣ изъ Анивы «Николая», на Муравьевскомъ посту начали обстраиваться. Матеріаломъ послужилъ лѣсъ, частью привезенный изъ Аяна, частью закупленный на мѣстѣ Невельскимъ у японцевъ. Построили жилую казарму оборонительнаго характера, снабженную бойницами; возвели службы къ ней; батарею передѣлали и расположили въ два яруса; весь постъ обнесли приспособленнымъ къ ружейной оборонѣ валомъ; въ общемъ получила маленькая сомкнутая крѣпость.

2-го октября, послѣ длительного пути по побережью, изслѣдованій прибрежныхъ раіоновъ и составленія описанія ихъ, прибылъ къ Буссе изъ Ильинскаго поста Орловъ съ пятью якутскими казаками и однимъ матросомъ. Но онъ не былъ задержанъ на Муравьевскомъ посту: стоявшій въ то время въ Анивѣ нашъ транспортъ «Иртышъ» увезъ его на другой день въ Императорскую гавань.

Зимовка нашего Сахалинскаго отряда не отличалась тѣми удобствами, которыхъ можно было ожидать. Судя по запискамъ начальника отряда, во первыхъ, на посту не было спокойствія. Въ японцахъ видѣли враговъ, лишъ по наружному виду казавшихся дружески къ намъ расположенными. Носились слухи, и слухи эти весьма тревожили маіора Буссе, будто съ открытіемъ навигаціи явятся японскія вооруженныя силы и вырѣжутъ весь постъ, такъ необдуманно де обращенный въ бѣльмо на глазу у японцевъ. Японцевъ всемірно опасались, что не помѣшало, однако, Рудановскому беззаботно предпринимать ближнія, дальнія и даже весьма дальнія экскурсіи съ цѣлью изученія края, предпринимать ихъ самъ-другъ съ казакомъ. Начальникъ отряда неоднократно отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ запрещенія айнамъ со стороны японцевъ доставлять нашимъ какую

либо провизію; а Рудановскій путешествовалъ налегкѣ и питался именно при пособничествѣ айновъ. Во вторыхъ, несмотря на заботливое снабженіе отряда всякими запасами на зиму еще Невельскимъ и на пополненіе этихъ запасовъ, по распоряженію Буссе, съ транспорта «Иртышъ», не смотря на относительное обиліе товаровъ для мѣнового торгова, отрядъ почему то оказался въ стѣсненномъ положеніи въ отношеніи къ продовольствію и въ особенности по недостатку свѣжей пищи—дичины и рыбы, которыхъ айны не доставляли, а если изрѣдка и доставляли, то по крайне высокой цѣнѣ. Охотничьи экскурсіи, организованныя съ поста, оказывались долгое время неудачными. Въ декабрѣ появилась даже цинга, и ея симптомы стали столь грозными, что поиски свѣжей пищи пришлось усугубить, что и не замедлило увѣнчаться успѣхомъ: къ новому году застрѣлили пару оленей, тѣмъ положили начало послѣдующимъ удачнымъ охотамъ, а затѣмъ начали добывать и свѣжую рыбу; цинга быстро стала уменьшаться и вскорѣ прекратилась совершенно. Наконецъ, въ третьихъ, на Муравьевскомъ посту не было медицинской помощи, если не считать единственнаго и при томъ крайне певѣжественнаго фельдшера. Этотъ недостатокъ дѣйствительно былъ вопіющимъ, и сопровождался весьма неблагоприятными послѣдствіями, въ родѣ случая кончины одного изъ матросовъ (Сисаго) отъ застуженнаго флюса. Но въ данномъ случаѣ нельзя не отмѣтить свидѣтельства Рудановскаго, по которому, при снаряженіи экспедиціи въ Петропавловскѣ, командиръ этого порта, В. С. Завойко, предлагалъ врача—М. П. Давыдова, но Буссе самъ отклонилъ это предложеніе по соображеніямъ экономическимъ.

На внутренней жизни зимовавшаго на Сахалинѣ отряда нашего и на домашнемъ его обиходѣ естественно не могли не отражаться взаимоотношенія двухъ, состоявшихъ при отрядѣ офицеровъ—майора Буссе и лейтенанта Рудановскаго. Къ сожалѣнію, эти взаимоотношенія были крайне обостренными и даже далеко не способствовали поддержанію общаго порядка службы. Кто виноватъ—судить не берусь: матеріала для вполне безпристрастнаго приговора не имѣется. Дневникъ Буссе положительно испещренъ жалобами на своеволія Рудановскаго и на нежеланіе его приносить дѣлу пользу; Рудановскій, въ своихъ воспоминаніяхъ, защищается отъ обвиненій слабо. Гораздо энергичнѣе защита Рудановскаго, имѣющая въ спеціальному письмѣ Невельскаго въ «Вѣстникъ Европы», въ которомъ приведена весьма лестная характеристика личности лейтенанта и перечисленъ цѣлый рядъ его цѣнныхъ работъ.

по изслѣдованію южной части Сахалина, отъ 46 до 48 паралели; но Невельской заступился за своего прямого подчиненнаго. Все же нельзя не замѣтить, что жалобы Буссе уснащены зачастую такими комментаріями и такимъ стремленіемъ доказать свою правоту и виновность Рудановскаго, что въ сознаніи спокойнаго читателя дневника создается впечатлѣніе о чемъ то неладномъ. И по мѣрѣ изученія новыхъ страницъ произведенія Буссе, невольно начинаетъ казаться, что пререканія между начальникомъ и подчиненнымъ имѣли основною причиною нѣчто, не относившееся къ прямымъ обязанностямъ службы, и это нѣчто заключалось главнымъ образомъ въ разномыслиі обоихъ офицеровъ въ области оцѣнки дѣятельности ихъ общаго начальника—Невельскаго. Это подозрѣніе крѣпнеть и обращается почти въ увѣренность при чтеніи страницы 130-й, на которой достаточно ясно указывается, что взаимоотношенія между авторомъ и Рудановскимъ урегулировались лишь къ концу апрѣля 1854 г. на почвѣ прекращенія послѣднимъ горячаго отстаиванія правильности взглядовъ и дѣйствій Невельскаго.

Уже съ марта того же 1854 года опасенія Буссе въ отношеніи враждебности японцевъ начали разсѣиваться: «съ японцами мы теперь все болѣе и болѣе сближаемся»—пишетъ онъ. Въ началѣ апрѣля наши освѣдомились о подходѣ къ Сахалину японскихъ рыболовныхъ судовъ, а 14-го числа къ селенію Тамари подошли четыре джонки и стали свозить на берегъ десантъ. Нашъ отрядъ вышелъ на встрѣчу десанта безъ оружія съ пѣснью «ахъ, вы сѣни, мои сѣни». На берегъ высадилось четыре японскихъ офицера съ конвоемъ около полутора десятка вооруженныхъ людей. Начальника десанта между ними не было. Одинъ изъ офицеровъ явился къ Буссе, и встрѣча была вполнѣ дружеская. Впослѣдствіи оказалось, что сказанныя четыре джонки пристали поначалу къ берегу другой бухты, увидѣли тамъ двухъ нашихъ нижнихъ чиновъ и стали уговаривать ихъ идти съ ними моремъ въ Тамари, дабы русскіе не открыли по джонкамъ огня изъ своихъ пушекъ. Наши согласились. 15-го апрѣля явился къ Буссе и старшій японскій офицеръ—сѣдой старикъ, принесшій благодарность за дружескій пріемъ, а черезъ три дня пришли еще три джонки и на нихъ главный японскій начальникъ. При каждомъ офицерѣ имѣлась вооруженная «свита».

Тѣмъ временемъ, Буссе узналъ, что въ Аниву и смежныя воды прибыли и другія японскія суда, а на нихъ, по приказанію Мацмайскаго губернатора, 22 офицера. Такое количество офицеровъ при рыбопромышленныхъ судахъ породило въ начальникѣ нашего

отряда подозрѣніе, что японцы имѣли въ виду высадить на берегъ какъ можно больше солдатъ подъ видомъ офицерскихъ «свить». И дѣйствительно, изъ переговоровъ выяснилось, что солдатъ прибыло 135 человекъ, а рыбаковъ всего 50. Тогда Буссе категорически заявилъ, что если японцы вздумаютъ направить на берегъ еще хоть одного солдата, то онъ сочтетъ это за враждебность и приметъ соотвѣтственныя мѣры. Японцы успокоили его и мирно занялись ловлей сельдей.

Любопытно, что при переговорахъ японцы проявили большой интересъ къ размѣру вооруженныхъ силъ Россіи вообще. На ихъ вопросъ—сколько у насъ войска?—Буссе отвѣтилъ, что миліонъ. Это произвело сенсацію. Тогда они спросили, сколько у насъ военныхъ судовъ? Буссе затруднился отвѣтомъ и обратился къ Рудановскому, который, ничуть не смущаясь, назвалъ цифру—500. Считая, что лейтенантъ перехватилъ черезъ край, Буссе указалъ въ словарѣ цифру 400. И это вызвало большое удивленіе.

И такъ, японцы ловили сельдей, а наши наблюдали за этимъ. Но вотъ 29-го апрѣля пришелъ въ Аниву корветъ «Оливуца» и привезъ вѣсть о разрывѣ съ Турціей и о вѣроятности разрыва съ Англіей и Франціей. Это навело Буссе на мрачныя размышленія. Черезъ нѣсколько дней прибылъ отъ Невельскаго Орловъ и не привезъ никакихъ инструкцій, Буссе заподозрилъ въ немъ нарочитаго соглядатая. 8-го мая «Оливуца» ушелъ. Обстановка, въ глазахъ начальника Сахалинскаго отряда, становилась грозною ¹⁾.

Обстановка и дѣйствительно грозила различными осложненіями. Но на ней я пока не останавлиюсь. Чтобы не возвращаться къ Сахалину и занятію его русскими, чтобы избѣжать по возможности элемента черезполосности повѣствованія и тѣмъ не затемнить послѣдняго, позволяю себѣ досказать дальнѣйшую судьбу Сахалинской экспедиціи и краткую исторію присоединенія острова къ русскимъ владѣніямъ въ этой же главѣ. Считаю это допустимымъ тѣмъ болѣе потому, что излагаемое ниже имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ главной моей темѣ—амурскому вопросу. По этому вопросу мы имѣли дѣло съ Китаемъ; по Сахалину—съ Японіей.

¹⁾ Невельской, стр. 237—239, 241, 242, 244—250, 254, 259, 268; Буссе, стр. 5, 10—17, 21, 26—33, 35—38, 50, 60—64, 72—74, 110, 113—116, 121, 122, 126—128, 130—133, 135—145; Бошнякъ, въ „Мор. Сб.“ 1859 г. № 10, стр. 397 Рудановскій, «По поводу воспоминаній Н. Буссе объ островѣ Сахалинѣ и экспедиціи 1853 г.» («Вѣст. Европы» 1872 г. № 8), стр. 907—910, 914, 917, 918, 921, Барсуковъ, т. I, стр. 350.

Официальные переговоры съ японскимъ правительствомъ о Сахалинѣ начались въ 1854 году, и инициатива поднятія этого вопроса принадлежитъ лично генералъ-адъютанту вице-адмиралу Евфимію Васильевичу Путятину, отправленному еще въ 1852 году на фрегатѣ «Палада», въ сопровожденіи винтовой шхуны «Востокъ», съ чрезвычайнымъ посольствомъ въ Японію для установленія съ этою странюю торговыхъ и политическихъ связей. Путятинъ, такъ сказать на свой рискъ и страхъ, намекнулъ японцамъ, что Россія *можетъ быть* уступить имъ южную часть Сахалина, и тѣмъ далъ направленіе дальнѣйшему вопросу о Сахалинѣ, направленіе, далеко для насъ не выгодное. Когда это полуобѣщаніе сдѣлалось извѣстнымъ Муравьеву, онъ запротестовалъ со всею свойственною ему горячностью въ дѣлѣ отстаиванія интересовъ Россіи вообще и Сибири въ особенности. 18-го августа того же 1854 года онъ, между прочимъ, писалъ Путятину: «Я считаю долгомъ повторить здѣсь мое мнѣніе, что лучше оставить пограничный вопросъ въ неопредѣленномъ по прежнему положенію, чѣмъ утверждать за ними (за японцами) хотя *самомалѣйшую* часть Сахалина», и предупредилъ своего корреспондента, что аналогичная мысль была ему сообщена изъ Петербурга, «но не изъ министерства иностранныхъ дѣлъ», почему де онъ и воздерживается отъ точнаго указанія источника. И настоянія Муравьева, дѣйствительно поддержанныя вліятельными лицами и явившіяся зародышемъ натянутости дальнѣйшихъ отношеній между нимъ и Путятинымъ, въ концѣ концовъ увѣнчались успѣхомъ. По трактату, заключенному 26-го января 1855 г. въ Симода Путятинымъ съ японскими уполномоченными Цуцуй-Хизено-Камо и Кавадзи-Сайэмоно-Дзіо, наша граница съ Японіей была проведена между Курильскими островами Итурупомъ и Урупомъ, при чемъ за нами была утверждена большая часть Курильской группы, островъ Сахалинъ остался неразграниченнымъ, а для русской торговли были открыты порты въ Симода, Хакодате и Нагасаки, съ правомъ учредить въ одномъ изъ этихъ городовъ русское консульство.

Между тѣмъ, ко времени заключенія сказаннаго трактата, Сахалинъ нашими былъ уже покинутъ и покинутъ при такихъ обстоятельствахъ.

Когда разрывъ съ Англіей и Франціей сдѣлался несомнѣннымъ, Путятину, находившемуся въ Японіи, было предписано изъ Петербурга идти къ устью Амура, что и было имъ исполнено отчасти. Ранней весной 1854 года онъ направился въ Императорскую га-

ванъ, и вскорѣ тамъ собрался цѣлый отрядъ нашихъ судовъ: фрегатъ «Палада», корветъ «Оливуца», баркъ «князь Меншиковъ», шхуна «Востокъ», транспорты «Иртышъ» и «Двина» и корабль «Р.-А. К°» «Николай». Корветъ «Оливуца» былъ направленъ Путятинымъ на подкрѣпленіе Петропавловска, а съ остальными судами предполагалось задержаться въ Императорской гавани на все время кампаніи, при условіи возможно сильнаго укрѣпленія убѣжища съ береговой стороны. Съ послѣднею цѣлью и по соображенію объ опасности нахождения нашего Сахалинскаго отряда въ Анивѣ, Путятинъ направилъ туда К. Н. Посьета съ транспортами «Иртышъ» и «Двина» и съ баркомъ «Кн. Меншиковъ», поручивъ Посьету предложить Буссе эвакуировать Сахалинъ и обосноваться въ Императорской гавани, если онъ найдетъ это согласованнымъ съ видами и приказаніями своего прямого начальства. Хотя Буссе уже имѣлъ категорическое приказаніе Невельскаго ни въ какомъ случаѣ не снимать Муравьевскаго поста и лишь въ крайности отойти съ отрядомъ отъ берега въ глубь острова, однако предложеніе Путятина ему пришлось по сердцу. Не желая брать на свою личную отвѣтственность оставленіе Сахалина, онъ настоялъ на собраніи совѣщанія изъ командировъ прибывшихъ судовъ, которые, не будучи освѣдомлены о приказѣ Невельскаго, высказались: Муравьевскій постъ «временной и поставленъ по обстоятельствамъ, а не для защиты мѣстности или какого либо имущества»; 2) сила поста и его артилеріи не позволяютъ рассчитывать на успѣшность отраженія какой либо попытки врага атаковать постъ; 3) санитарныя условія на посту—міазмы отъ гніенія на берегу выловленной японцами и брошенной ими рыбы—столь плохи, что уже одно это «вызываетъ неотлагательное перенесеніе поста въ другія мѣста». Опираясь на мнѣніе совѣщанія, Буссе, со всею командою и имуществомъ, отбылъ въ Императорскую гавань.

Такое рѣшеніе Буссе естественно вызвало крайнее неудовольствіе со стороны Невельскаго, который усмотрѣлъ въ немъ прямое нарушеніе долга службы и причиненіе большого ущерба государственнымъ интересамъ въ смыслѣ утраты нашего вліянія на японцевъ, а отчасти и утраты правъ на владѣніе Сахалиномъ. Рудановскій—большой поклонникъ Невельскаго—также высказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ рядъ упрековъ по адресу Буссе, обращая вниманіе на то, что, при желаніи выполнить свой долгъ, начальникъ Сахалинскаго отряда всегда могъ это сдѣлать, хотя бы путемъ отхода отъ морского побережья къ истоку р. Сусуя, гдѣ отрядъ на-

ходился бы въ полной безопасности и откуда наше вліяніе на Сахалинъ могло бы распространяться вполнѣ успѣшно. Но справедливость требуетъ отмѣтить, что гнѣвъ Невельскаго на сей разъ врядъ ли былъ прочно обоснованъ на существѣ дѣла. По крайней мѣрѣ онъ самъ придерживался совершенно иного взгляда на вещи еще тогда, когда повелѣніе о заятіи Сахалина дошло до его свѣдѣнія. Въ письмѣ по этому поводу къ Муравьеву онъ писалъ, что переносъ въ амурскомъ вопросѣ главнаго вниманія на Сахалинъ представляется явною ошибкою и ошибкою потому, что при столкновении съ морскою державою нашимъ на Сахалинѣ не удержаться. «Непріятель—доносилъ онъ— одною блокадою можетъ уморить тамъ всѣхъ съ голоду». Посему главное вниманіе должно де быть обращено на матерой берегъ.

И такъ, въ періодъ Восточной войны нашихъ на Сахалинѣ не было.

По окончаніи войны, первою по Сахалину мѣрою было изыятіе этого острова изъ «вѣдѣнія» «Р.-А. К^о» и передача его въ распоряженіе генераль-губернатора Восточной Сибири. Высочайшее о томъ повелѣніе состоялось 9-го апрѣля 1856 г. Главное правленіе К^о не упустило случая представить себя жертвою служенія правительственнымъ нуждамъ и извлечь при этомъ новыя выгоды. Оно обратилось къ Великому Князю Константину Николаевичу, какъ къ предсѣдателю Амурскаго комитета, съ весьма пространнымъ прошеніемъ, полнымъ всяческихъ lamentaцій и заканчивавшимся почти требованіемъ предоставить К^о различныя исключительныя права какъ на Сахалинѣ, такъ и на Амурѣ. Запрошенный по этому поводу, Муравьевъ не призналъ, однако, ни соотвѣтственнымъ, ни возможнымъ удовлетворить желаніе К^о. «Всякія исключительныя права какъ на островъ Сахалинъ, такъ и въ Приморской области, могутъ—писалъ онъ—только стѣснить развитіе торговли и промышленности въ этомъ новомъ краѣ, и слѣдовательно предоставлять ихъ не слѣдуетъ никакой компаніи и никакому лицу, ни постоянно, ни временно». Но мнѣнію генераль-губернатора, К^о, получившая уже 50,000 руб., «не можетъ по справедливости и требовать денежнаго вознагражденія за прекращеніе *мнимаго* своего владѣнія этимъ островомъ». Съ мнѣніемъ Муравьева Великій Князь согласился, маневръ главнаго правленія не удался, и амурское дѣло совершенно освободилось отъ вліянія «Р.-А. К^о».

Въ слѣдующемъ 1857 г. на Сахалинѣ было основано два русскихихъ поста: у Косуная, гдѣ обосновался лейтенантъ Рудановскій

съ 16-ю матросами, и у Дуэ, гдѣ поставили небольшой караулъ съ цѣлью охраны имѣвшихся тамъ залежей каменнаго угля. Оба поста были учреждены внѣ сферы вліянія японцевъ, ибо согласно Высочайше утвержденному 24-го декабря того года положенію Амурскаго комитета, было рѣшено не осложнять вопроса о разграниченіи острова впредь до учрежденія нашего консульства въ Хакодате и до установленія правильныхъ сношеній съ Японіей.

Въ началѣ 1858 г. комитетъ призналъ необходимымъ принять серьезныя мѣры къ разработкѣ сахалинскаго каменнаго угля какъ для потребностей судовъ нашей сибирской флотиліи, такъ и для продажи ископаемаго топлива иностранцамъ съ учрежденіемъ для сего специальныхъ складовъ въ Хакодате, гдѣ находился уже нашъ консулъ. Тогда же было сдѣлано распоряженіе о приступѣ къ разработкѣ копей у Дуэ, съ использованіемъ для того труда каторжниковъ, а въ концѣ года Амурскій комитетъ, въ виду предстоявшаго направленія въ Японію, въ качествѣ посланника, графа Муравьева Амурскаго, имѣлъ сужденія по вопросу о разграниченіи Сахалина. Хотя къ тому времени высшій персоналъ нашей дипломатіи уже измѣнился, но старые приемы еще не были забыты, и сужденія комитета, подъ давленіемъ представителей министерства иностранныхъ дѣлъ, по прежнему клонились къ осторожности и къ полумѣрамъ. Присутствовавшій на засѣданіи представитель генераль-губернатора Восточной Сибири, его помощникъ, генераль-майоръ Корсаковъ, горячо возсталъ противъ такого оборота дѣла и полагалъ, что «недолжно ставить никакихъ границъ полномочію графа Муравьева-Амурскаго, даже если бы дѣйствія его вели къ войнѣ». Мнѣніе это, съ подобающими комментаріями, было доложено министромъ иностранныхъ дѣлъ Государю, и 17-го декабря послѣдовало Высочайшее повелѣніе—предоставить графу Муравьеву Амурскому войти съ Японіей въ сношеніе о признаніи за Россіей правъ на весь Сахалинъ или на его часть, «съ тѣмъ, однако, чтобы ни въ какомъ случаѣ сей вопросъ не привелъ насъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ или къ разрыву съ японскимъ правительствомъ».

Графъ Муравьевъ отбылъ въ Японію въ 1859 году, 12-го іюня прибылъ въ Хакодате, а оттуда направился въ Иедо. На совѣщаніи съ японскими сановниками, онъ предъявилъ категорическое требованіе о признаніи за Россією права на владѣніе всѣмъ островомъ Сахалиномъ. Но предложеніе это было не менѣе категорически отвергнуто японцами, ни за что не соглашавшимися провести гра-

ницу южнѣ Анивы и предлагавшими, съ своей стороны, принять за таковую 50-ю параллель (нынѣшнюю границу). Опираясь на то обстоятельство, что претензіи Японіи на Сахалинъ были столь же неопредѣленными и необоснованными на неоспоримыхъ правахъ, какъ и наши, а также принимая въ соображеніе, что, при представленіи японцамъ южной половины острова, таковою, а также и Лаперузовымъ проливомъ, по тогдашней слабости Японіи, легко можетъ завладѣть любая иностранная держава, и что подобный оборотъ дѣла не могъ бы не отразиться крайнимъ ущербомъ на нашихъ интересахъ въ устьяхъ Амура, — графъ Муравьевъ почелъ за лучшее кончить переговоры ничѣмъ и остаться при прежнихъ условіяхъ. Имѣя же въ виду, что по трактату 1855 г. Сахалинъ былъ признанъ находящимся въ общемъ владѣніи Россіи и Японіи, онъ тогда же возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи занять на южной оконечности острова удобный пунктъ и укрѣпить его, на что и послѣдовало принципиальное соизволеніе Государя Императора. По этимъ же причинамъ, 28-го февраля 1861 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе вовсе не возбуждать вопроса о разграниченіи Сахалина впредь до того времени, когда этотъ вопросъ возбудитъ сама Японія.

Японцы заговорили о Сахалинѣ только въ 1867 г.; но и эти разговоры не привели ни къ чему опредѣленному. Они закончились особою конвенціею 28-го марта того года, и ею островъ Сахалинъ опять былъ признанъ «еще нераздѣленнымъ» и находящимся «въ общемъ владѣніи» Россіи и Японіи.

По заключеніи конвенціи 1867 г., былъ возстановленъ постъ Муравьевскій у Анивы и усиленъ Косунайскій; въ оба пункта было назначено по ротѣ солдатъ. Тогда же было принято рѣшеніе основать на Сахалинѣ у Дуэ каторжныя тюрьмы, а самый островъ колонизировать русскими переселенцами. Первая попытка колонизаціи была произведена въ 1869 году: на транспортѣ «Манчжуръ» перевезли на Сахалинъ 25 малороссійскихъ семей, кои и основали поселокъ Корсаковскій въ глубинѣ залива Анива на берегу бухты Лососей. Въ 1871 году на южный Сахалинъ направили партію ссыльно-каторжныхъ изъ Забайкалья, но направили эту партію лишь на время — для разработки путей сообщенія у Корсаковскаго поселка и для подготовки въ его окрестностяхъ удобныхъ земельных участковъ подъ заселеніе *вольными* людьми. Однако, мѣра эта не привела къ вождѣннымъ результатамъ, и колонизація Сахалина не удалась окончательно.

Между тѣмъ, общее пользованіе Сахалиномъ, какъ оно и понятно, оказалось сопряженнымъ съ бездною неудобствъ и недоразумѣній между мѣстными японскими и русскими властями. Въ поискахъ исхода изъ такого положенія, родилась было мысль увеличить нашъ сахалинскій гарнизонъ, дабы количествомъ штыковъ возвысить русскій престижъ. Мысль эта была передана на разсмотрѣніе особой при военномъ министерствѣ комисіи, которая высказалась: «Увеличеніемъ численности сахалинскихъ войскъ мы все-таки не достигнемъ ни легальнаго, ни фактическаго обладанія островомъ. Занимая новые посты на островѣ, мы не лишаемъ и японцевъ возможности держаться однороднаго съ нами способа дѣйствій, въ отношеніи развитія на немъ своихъ владѣній, и пользоваться тѣми же промыслами, коими они пользовались до сего времени. Они сохраняютъ за собою владѣтельное право даже и въ томъ случаѣ, если вездѣ будутъ слабѣе насъ, и безъ войны или торговой сдѣлки отъ права этого не откажутся». Надо полагать, именно это сужденіе и легло въ основу извѣстнаго рода торговой сдѣлки: 7-го мая 1875 г., «желая положить конецъ многочисленнымъ неудобствамъ, проистекающимъ отъ совмѣстнаго владѣнія островомъ Сахалиномъ и упрочить существующее... доброе согласіе» между русскими и японцами, Россія заключила съ Японіей въ Токио трактатъ, по которому весь островъ Сахалинъ былъ признанъ владѣніемъ русской державы, а Японія получила все Курильскіе острова ¹⁾).

Когда Невельской, устроивъ Сахалинскую экспедицію у Тамари-Анива, вернулся на Амуръ, первою его мѣрою было продолженіе обслѣдованія побережья материка къ югу отъ лимана. Для этой цѣли онъ предназначилъ лейтенанта Бошняка, уже плававшего въ тѣхъ краяхъ и описавшаго Императорскую гавань. Невельской приказалъ ему обосноваться именно въ этой гавани на зиму, въ качествѣ начальника поста, численностью въ 10 человекъ, а дальнѣйшія изслѣдованія начать раннею весною 1854 г. Эти изслѣдованія надлежало произвести по всему побережью, вплоть до устья р. Суйфуна, а цѣлью ихъ ставилось открытіе бухты, болѣе

¹⁾ Государ. арх., аз. д-тъ, № 2/37; морск. арх., канц., № 12,596, лл. 36, 43—48, 51, 53; воен.-учен. арх., отд. С, №№ 73 и 1005; II П. С. З., №№ 31,699 и 55,696; Невельской, стр. 231 и 387; Буссе, стр. 153 и 154; Рудановскій, стр. 920—922; Барсуковъ, т. II, стр. 115, 116, 276 и 277.

удобной, чѣмъ Императорская, въ смыслѣ ея географическаго положенія, въ смыслѣ легкости проникновенія въ нее изъ незамерзающихъ водъ Тихаго океана. Безъ занятія и устройства подобнаго порта, Невельской, по свидѣтельству Бошняка, считалъ, что самое водвореніе наше въ краѣ «не можетъ имѣть *полной и совершенной пользы, смысла и значенія*» (курс. подл.).

Бошнякъ устроился въ Императорской гавани относительно удобно; его малочисленный постъ былъ вполнѣ обезпеченъ продовольствіемъ на всю зиму. Но неожиданное обстоятельство поставило все вверхъ дномъ.

Въ первыхъ числахъ октября въ Императорскую гавань пришелъ корабль «Р.-А. К^о» «Николай», лишенный за позднимъ временемъ возможности прослѣдовать къ первоначальному пункту своего назначенія—въ Ситху. Командиръ судна рѣшилъ зимовать въ этой гавани и зимовать въ ней, даже не взирая на то, что продовольственныхъ запасовъ у него было крайне мало. Положеніе еще обострилось, когда 13-го октября неожиданно пришелъ въ ту же гавань, потерпѣвшій въ морѣ аварію, военный транспортъ «Иртышъ» съ лейтенантомъ Гавриловымъ, совершенно не имѣвшій никакихъ припасовъ, оставившій таковые, по приказанію маіора Буссе, на Муравьевскомъ посту.

Маіоръ Буссе—пишетъ Бошнякъ—въ противность даннымъ ему распоряженіямъ, забралъ съ транспорта все, что можно было забрать, ссылаясь на то, что въ гавани (Императорской) всего вдоволь». Сѣтованія того же офицера на Буссе доходятъ до обвиненія въ умышленномъ стремленіи «подсолить нелюбимому человѣку (Невельскому) и выставить себя передъ правительствомъ въ яркомъ блескѣ меньшей смертности (во ввѣренной ему командѣ). «Конечно, такое обвиненіе жестоко и, быть можетъ, преувеличено; но поводъ для него имѣлся: по свидѣтельству Тихменева, основанному на документахъ, «Иртышъ» пришелъ въ Императорскую гавань дѣйствительно безъ запасовъ, «сдавъ большую часть ихъ въ Анивѣ, по требованію начальника Муравьевскаго поста». Кромѣ того, принявъ во вниманіе справедливое указаніе Невельскаго, что въ Анивѣ всегда можно было найти многіе предметы продовольствія на мѣстѣ, тогда какъ «Иртышъ» былъ отправленъ «въ пустыню», а также тѣ бѣдствія, которыя явились слѣдствіемъ распоряженій Буссе, нельзя не отнести къ горячности молодого лейтенанта снисходительно.

Положеніе стало прямо критическимъ. Въмѣсто казенной команды въ 10 человѣкъ, въ Императорской гавани оказалась такая же команда въ 84 человѣка, а запасовъ имѣлось только на 10. Съ «Николая» помочь не могли: тамъ также ощущалась большая нужда въ продовольствіи. Не было и достаточнаго количества медикаментовъ, а вмѣсто доктора имѣлся полубольной и полуневѣжественный фельдшеръ. Легкое пособіе оказала отряду паровая шхуна «Востокъ», зашедшая въ бухту 20-го октября; но это была капля въ морѣ. За то капля эта была чиста, какъ хрусталь. Несмотря на предстоявшій шхунѣ длинный переходъ въ Нагасаки, ея командиръ, лейтенантъ Римскій-Корсаковъ, по товарищески подѣлился своими скромными запасами и не остановился даже передъ снабженіемъ Бошняка, приступившаго къ устройству на берегу помѣщеній, стекломъ для оконъ, для чего пришлось выбрать такое, гдѣ возможно, изъ люковъ шхуны.

Началась зима, къ несчастью крайне суровая. Полуголодная команда стала заболѣвать цингою. Офицерство поселилось на «Иртышѣ», такъ какъ на берегу работы по возведенію зданій шли плохо. По ночамъ въ каютахъ транспорта замерзала въ графинахъ вода. Нижнимъ чинамъ было лучше, ибо казарма для нихъ, относительно теплая, была готова къ началу декабря. Хотя съ ноября уже приступили и къ устройству офицерскаго домика, но на работы выходило не болѣе 5 человѣкъ; всѣ остальные хворали, а половина команды была поражена тяжелымъ видомъ скорбута. На «Николаѣ» жилось не такъ плохо: тамъ благовременно завалили палубу ельникомъ и снѣгомъ, и эта защита позволяла поддерживать въ каютахъ сносную температуру даже при 30-градусныхъ морозахъ. Припасовъ становилось все меньше и меньше. Пока къ зимовью неосторожно подлетали вороны—стрѣляли ихъ и питались ими; но и эта птица стала скоро крайне осторожной. Съ января начались смертные случаи, и первымъ скончался подпоручикъ Чудиновъ. Съ середины мѣсяца рѣдкій день обходился безъ покойника. Погребли уже двадцатаго человѣка, когда пришла существенная помощь отъ Невельскаго. Прослышавъ о бѣдствіяхъ отряда, онъ, совершенно не будучи въ состояніи удѣлить запасовъ изъ скудныхъ средствъ Амурской экспедиціи, тотчасъ же командировалъ въ Императорскую гавань человѣка опытнаго и хорошо знакомаго съ мѣстнымъ населеніемъ—Орлова, приказавъ ему всюду ъкупать по пути у туземцевъ и манчжуръ водку, черемшу, чеснокъ, крупу и другіе продукты и уговаривать гиляковъ идти за нимъ съ оленями. Ни ту-

земцы, ни манчжуры въ помощи не отказали. Наконецъ, лишенія нашихъ зимовниковъ вовсе прекратились 17-го апрѣля, когда въ гавань зашелъ корветъ «Оливуца», направленный туда Путятинымъ изъ Нагасаки. Корветъ имѣлъ большое количество всякихъ припасовъ, и его командиръ, капитанъ-лейтенантъ Назимовъ, щедро подѣлился ими съ злополучными земляками.

Между тѣмъ, Невельской былъ занятъ разработкой мѣропріятій по случаю омраченія политическаго горизонта и возможнаго превращенія Амурскаго края хотя бы и во второстепенный театръ военныхъ дѣйствій. Однако, въ заботахъ по этому поводу онъ стремился не столько къ организаціи надежной обороны, сколько къ закрѣпленію за нами устьевъ Амура и всего Уссурійскаго раіона, предполагая даже использовать для того вѣроятныя военныя событія, ничуть его не пугавшія. Въ этомъ отношеніи мысль его сводилась къ необходимости строго учитывать мѣстную обстановку, а учитывая таковую, проводить принципъ не *сосредоточенія* силъ, а *разсредоточенія* и при томъ на малыя заставы, въ 8—10 человекъ, съ благовременнымъ обезпеченіемъ сообщенія постовъ съ внутренностью страны, совершенно недоступной для того противника, который могъ появиться въ водахъ Тихаго океана. Такими постами онъ полагалъ занять весною же 1854 года всѣ сколько нибудь удобныя бухты отъ Амура до Суйфуна и видѣлъ въ этой мѣрѣ залогъ будущаго благополучія: непріятель, врагъ исключительно морской, не преминетъ подвергнуть наши посты блокадѣ, тѣмъ фактически признаетъ принадлежность края Россіи, а вреда намъ не принесетъ никакого, ибо посты всегда будутъ имѣть возможность отступить въ крайности въ глубину страны неизвѣстными тропами, преслѣдованіе по которымъ, вслѣдствіе дикости края, совершенно немислимо ¹⁾).

Предложенный Невельскимъ оригинальный планъ обороны края принятъ не былъ и не безъ основанія. Главнымъ объектомъ возможныхъ операцій противника оставались устья Амура, захватъ которыхъ грозилъ чрезвычайными осложненіями въ будущемъ. Къ тому же, въ водахъ Тихаго океана у насъ была военная флотилія, нуждавшаяся въ опорѣ и убѣжищѣ, и тѣмъ болѣе потому, что морской врагъ ожидался въ значительно преобладающихъ силахъ. Такое убѣжище, какъ увидимъ ниже, предполагалось создать именно въ устьяхъ Амура, а до его созданія слѣдовало подкрѣпить нашъ

¹⁾ Невельской, стр. 271, 275, 306—312, 325; Тихменевъ, т. I, стр. 107; Бошнякъ въ «Морск. Сб.» 1859 г., № 10, стр. 403—410.

военный тихоокеанскій портъ—Петропавловскъ, что было достижимо опять-таки только со стороны Амура. Все это вызвало рѣшеніе усилиться именно на амурскомъ лиманѣ.

Къ открытію навигаціи 1854 года силы собственно Амурской экспедиціи исчерпывались: а) командою въ 25 чел. на Петровскомъ посту; б) командою въ 30 чел. на Николаевскомъ посту, гдѣ имѣлись и два 3-фунтовыхъ орудія; в) командою въ 8 чел. на Маріинскомъ посту; г) командою въ 10 чел. на Александровскомъ посту (Де-Кастри), на которомъ была и одна 3-фунтовая пушка. Всѣ команды были вооружены кремневыми ружьями; пороху состояло въ наличности всего $1\frac{1}{2}$ пуда; снарядовъ—по 25 на орудіе. Естественно такая ничтожность военной силы, прекрасно извѣстная Муравьеву, въ то время находившемуся въ Петербургѣ, сильно его озабочивала. Еще въ началѣ января того года, онъ испросилъ Высочайшее повелѣніе о направленіи къ устьямъ Амура 600 человекъ изъ восточно-сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ и сотни казаковъ Забайкальскаго войска съ тѣмъ, чтобы часть этого отряда была отправлена на укомплектованіе 47-го флотскаго экипажа въ Петропавловскъ, и тогда же вошелъ съ представленіемъ о передвиженіи подкрѣпленій по Шилкѣ и Амуру. При этомъ указывалось, что направленіе войскъ сухимъ путемъ, на Охотскъ и Аянъ, завершится возможностью ихъ прибытія на мѣсто только въ сентябрѣ, тогда какъ по Амуру войска достигнуть цѣли на три мѣсяца раньше. Выигрышъ же во времени представлялся, по тревожности обстановки, не только желательнымъ, но даже прямо и совершенно необходимымъ.

Представленіе Муравьева было передано на разсмотрѣніе Амурскаго комитета, въ бурномъ засѣданіи котораго управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Сенявинъ, горячо возсталъ противъ «неосторожной» затѣи генераль-губернатора и стремился доказать, что осуществленіе намѣренія Муравьева можетъ совершиться во всякомъ случаѣ не ранѣе соотвѣтственнаго сношенія нашего центрального дипломатическаго органа съ китайскимъ правительствомъ и не ранѣе полученія отъ послѣдняго разрѣшенія сплавить экспедицію по китайской рѣкѣ. Однако, грозная обстановка и совершенная неприемлемость предложенія Сенявина по недостатку времени побудили комитетъ отнестись къ проекту Муравьева благосклонно, и состоялось рѣшеніе—войска сплавить по Амуру, предоставивъ генераль-губернатору Восточной Сибири самостоятельно войти по этому поводу въ сношеніе съ Китаемъ,

точно слѣдую при этомъ особой инструкціи, долженствовавшей быть составленною въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. 11-го января Государь Императоръ положеніе комитета утвердилъ, разрѣшилъ присутствовавшему при докладѣ Муравьеву идти по Амуру, не ожидая согласія на то китайскаго правительства, а отпуская его сказалъ: «Но чтобы не пахло пороховымъ дымомъ».

Наиболѣе существенная часть проекта инструкціи Муравьеву, составленнаго нашими дипломатами, сводилась къ тому, что переговоры его съ Китаемъ требуютъ прежде всего «особенной осторожности» (курс. подл.). Китайцы-де

„никакъ не могутъ равнодушно смотрѣть на подобное плаваніе по ихъ рѣкѣ, плаваніе, которое совершится безъ предварительнаго съ ихъ стороны согласія. Можно даже почти съ увѣренностью сказать, что они примутъ какія либо мѣры къ тому, чтобы подобная съ нашей стороны попытка не повторилась. Поэтому, для отклоненія по возможности неудовольствій и лишнихъ съ ихъ стороны подозрѣній, необходимо въ листѣ, который къ нимъ пошлется отъ генераль-губернатора одновременно съ отправкою нашихъ судовъ, выставить *благовидныя причины* (то же), побудившія его къ такой мѣрѣ, и что въ семь дѣйствій не скрывается рѣшительно ни малѣйшей къ Китаю враждебности, а что только одна необходимость заставила генераль-губернатора рѣшиться на эту мѣру безъ предварительнаго съ Китаемъ сношенія; причемъ, однако же, не указывая на иностранцевъ—на могущія быть съ ихъ стороны покушенія къ овладѣнію устьемъ Амура и т. п.—что въ глазахъ китайцевъ никакъ не будетъ служить достаточною причиною и лишь можетъ заставить ихъ, при неудовольствіи на нашъ образъ дѣйствій, обратиться къ тѣмъ же иностранцамъ,—гораздо лучше указать *на крайнюю и безтолковую нужду въ доставкѣ провіанта на Камчатку* (то же). Генераль-губернаторъ могъ бы даже при этомъ сказать, что въ подобномъ дѣлѣ, не терпящемъ ни малѣйшей отсрочки и гдѣ всякая переписка могла бы только повести къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ для жителей края, онъ рѣшился взять все на свою отвѣтственность и прибѣгнулъ къ вышеизъясненной мѣрѣ, не испрашивая ни у кого разрѣшенія и побуждаемый тою строгойшимъ предписаніемъ своего правительства о елико возможно скорѣйшей доставкѣ означеннаго провіанта, дабы спасти людей отъ гибели“...

Обрисованная инструкція, въ случаѣ ея утвержденія, во первыхъ, связала бы Муравьева по рукамъ и ногамъ; во вторыхъ, ею дѣло государственной важности стремились свести къ личной авантюрѣ генераль-губернатора, предпринятой для устраненія *его же отлошности*. Говорю, что такая инструкція связала бы Муравьева, потому, что единственно разумнымъ оправданіемъ амурскаго сплава могла быть выставлена только *обоюдная*, наша и Китая, выгода отъ такой мѣры, и выгоду эту можно было найти только въ указаніи на необходимость обороны устьевъ Амура—земель еще неразграниченныхъ—отъ захвата иностранцами, общими нашими вра-

гами; а между тѣмъ объ иностранцахъ запрещалось и заикаться. Далѣе, въ отношеніи официальнаго обращенія сплава въ личную авантюру генераль-губернатора, нельзя не замѣтить, что оповѣщеніе китайскихъ властей о его дѣйствіяхъ на свой личный страхъ и отвѣтственность, безъ вѣдома русскаго правительства, завершилось бы несомнѣннымъ подрывомъ престижа высшей сибирской власти въ глазахъ пекинскаго трибунала внѣшнихъ сношеній, и особенно потому, что мотивомъ такой авантюры предлагалось выставить именно оплошность этой власти и ея стремленіе избѣгать законной за эту оплошность кары. Вѣдь Камчатка въ тѣ времена изъ года въ годъ снабжалась провіантомъ извнѣ, это снабженіе лежало на заботахъ и отвѣтственности генераль-губернатора, и положеніе вопроса прекрасно было извѣстно китайцамъ. Разъ Камчатка осталась безъ провіанта, разъ не оказалось возможнымъ снабдить ее таковымъ своевременно и обычнымъ порядкомъ — значитъ генераль-губернаторъ оплошалъ, не исполнилъ своей прямой обязанности. Затѣмъ, какъ объяснить эскортированіе провіанта тысячью штыковъ? Какъ скрыть это эскортированіе? Какъ уберечься отъ нареканій китайцевъ въ завѣдомой ложности цѣли экспедиціи? Думаю: именно такія соображенія или аналогичныя съ ними заставили Муравьева горячо протестовать противъ проекта инструкціи, составленнаго въ дипломатической канцеляріи. Все же проектъ былъ Амурскимъ комитетомъ одобренъ, правда, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, что дало Муравьеву нѣсколько болѣе свободы дѣйствій. Соотвѣтственный журналъ комитета, Высочайше утвержденный 30-го января, заканчивался указаніемъ, что всѣ дѣйствія генераль-губернатора «должны клониться не къ нарушенію, а, напротивъ, къ сохраненію и поддержанію дружескихъ отношеній съ Китайскою имперією». Главнымъ же слѣдствіемъ сужденій комитета явилась отправка 6-го февраля изъ Петербурга въ Пекинъ «листа», предувѣдомлявшаго китайское правительство о предоставленіи Муравьеву права сноситься съ трибуналомъ, отъ лица русскаго правительства. Этимъ нрестижъ власти генераль-губернатора былъ значительно возвышенъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, Муравьевъ не выполнилъ да и не могъ выполнить рекомендованнаго ему замалчиванія опасеній, касающихся возможности враждебныхъ дѣйствій со стороны иностранцевъ. Онъ только остерегся на сей разъ отъ выясненія значенія такихъ дѣйствій въ отношеніи *обоюдныхъ* интересовъ и Китая и Россіи, отъ выясненій, которыми, какъ увидимъ, полны были даль-

нѣйшія его дипломатическія сношенія съ трибуналомъ. 14-го апрѣля 1854 г., уже изъ Иркутска, онъ писалъ китайскому правительству:

„Всемиловѣйшіи нашъ Государь Императоръ, замѣтивъ лживые поступки нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ, питающихъ враждебные замыслы на наши приморскія владѣнія, повелѣлъ отправить въ Восточный океанъ шесть большихъ военныхъ кораблей, а мнѣ, генералъ-губернатору Восточной Сибири, повелѣлъ, избравъ кратчайшій и удобнѣйшій путь, лично и немедленно отправиться къ берегамъ Восточнаго океана и сдѣлать всѣ нужныя распоряженія, необходимыя для предупрежденія враждебныхъ ихъ замысловъ на восточные наши острова и владѣнія простирающіяся могущихъ. Съ благоговѣніемъ исполняя такую волю моего Государя Императора и вполне увѣренный, по долговременной дружбѣ, въ искреннемъ доброжелательствѣ повелителя великой Дайцинской имперіи нашему Государю Императору, питающему эти же чувства своего благорасположенія къ его богдыханову величеству, клонящіяся къ одной цѣли—достигнуть во всѣхъ дѣлахъ успѣха, водворить спокойствіе—я поспѣшаю отправить къ берегамъ Восточнаго океана съ приличнымъ числомъ чиновниковъ и войска, на судахъ, по рѣкѣ Сахалинь-Ула и Сунгари-Ула, извѣстныхъ у насъ подъ общимъ названіемъ Амура. О чемъ нужнымъ считаю извѣстить симъ листомъ Дайцинскаго государства трибуналъ внѣшнихъ сношеній“¹⁾...

Муравьевъ, еще въ концѣ 1853 года сдѣлавшій всѣ распоряженія къ подготовкѣ сплава по Амуру войскъ и военныхъ грузовъ, направился изъ Иркутска въ путь по кругобайкальской дорогѣ 19-го апрѣля, 7-го мая достигъ Шилки, спустился по этой рѣкѣ къ Шилкинскому заводу и пересѣлъ на изготовленный тамъ пароходъ «Аргунь». Все было готово къ сплаву. 500 солдатъ сибирскихъ линейцевъ, вооруженныхъ преимущественно штуцерами, сотня забайкальскихъ казаковъ и 4-хъ орудійная горная батарея были уже посажены на суда; 75 барказовъ, нагруженныхъ провіантомъ и всѣми нужными запасами, стояли въ полной готовности къ выступленію въ путь. Отслужили молебенъ и тронулись въ далекое плаваніе по невѣдомой рѣкѣ. Судьба сплаву благопріятствовала: вода была высока, перекаты, коими изобилуетъ и Шилка, и верхній Амуръ, проходили безъ затрудненій. 20-го мая достигли Албазина, здѣсь задержались и отслужили панихиду; «всѣ преклонили колѣна праху погибшихъ храбрыхъ и доблестныхъ защитниковъ Албазина». Къ устью Зеи подошли 28-го мая. Тутъ сплавъ былъ остановленъ, и отсюда Муравьевъ послалъ двухъ своихъ чиновниковъ, Свербѣева и Сычевскаго, къ айгунскому губернатору съ увѣдомленіемъ о движеніи сплава. Китайскій сановникъ сначала запротестовалъ и разсыпался въ увѣреніяхъ о полной для

¹⁾ Государ. Арх., Азіат. Д.—тъ, № 7—70 (журналы Амурскаго комитета) Барсуковъ, т. I, стр. 346 и т. II, стр. 114; Невельской, стр. 316.

него невозможности пропустить сплавъ мимо Айгуна; но, узнавъ о наличности у Зеи «тучи» русскихъ судовъ и большой военной силы, сразу перемѣнилъ свою тактику и сталъ настаивать, чтобы наши прошли мимо города по возможности безотлагательно. Все же Муравьевъ повидался съ губернаторомъ, и встрѣча эта была дружеской. Устье Буреи миновали 30-го мая, Сунгари—2-го іюня, Уссури—5-го числа. 9-го іюня, у д. Мой, въ 200 верстахъ ниже Уссури, экспедицію застигла буря; штормомъ разметало весь отрядъ; часть судовъ затопило; едва не погибъ весь грузъ. Но штормъ вскорѣ прошелъ; почти всѣ зотопленные суда удалось поднять; за два дня остановки высушили подмоченный провіантъ. Все обошлось въ концѣ концовъ благополучно, благодаря энергичнымъ распоряженіямъ самого Муравьева и дружной работѣ всего состава экспедиціи. Во время стоянки у д. Мой завидѣли парусъ лодки, поднимавшейся вверхъ по рѣкѣ. То былъ лейтенантъ Разградскій, шедшій на встрѣчу сплава. Еще 16-го мая, получивъ вѣсть о предстоящемъ движеніи по Амуру нашихъ подкрѣпленій, Невельской съ Разградскимъ вышли изъ Маріинска на байдаркѣ и гиляцкой лодкѣ. Цѣль ихъ плаванія заключалась не только въ встрѣчѣ генералъ-губернатора: они заготовляли по дорогѣ лоцмановъ изъ мѣстныхъ жителей и предупреждали послѣднихъ о подходѣ сплава. Невельской хотѣлъ лично встрѣтить Муравьева; но это ему не удалось: 5-го іюня его догналъ гонецъ отъ адмирала Путятина съ вѣстью о разрывѣ съ Франціей, и начальникъ Амурскаго отряда не замедлилъ вернуться въ Де-Кастри. 12-го іюня сплавъ двинулся изъ д. Мой дальше. Жители прибрежныхъ поселковъ привѣтливо встрѣчали нашихъ, и лоцмана всюду были въ полной готовности сопровождать экспедицію; ранѣе же, выше по Амуру, туземцы обыкновенно разбѣгались при приближеніи сплава до послѣдняго челоувѣка. Путь въ 500 верстъ былъ пройденъ менѣе, чѣмъ въ трое сутокъ. 14-го числа увидѣли постъ Маріинскій и плывущую на встрѣчу байдару съ Невельскимъ.

Ко времени прибытія Муравьева къ устью Амура, въ заливѣ Де-Кастри стояла шхуна «Востокъ», посланная туда Путятинымъ съ цѣлью предупрежденія Амурскаго отряда, объ открытіи англо-французами враждебныхъ противъ насъ дѣйствій. Въ Де-Кастри же находились транспорты «Иртышъ» и «Двина» съ составомъ Сахалинскаго отряда и транспортъ «Байкаль», привезшій изъ Петропавловска запасы для Амурской экспедиціи. Путятинъ, получившій въ Нагасаки Высочайшее повелѣніе идти къ берегамъ Амура,

пошелъ на фрегатъ «Палада», въ сопровожденіи шхуны «Востокъ», сначала къ корейскимъ берегамъ, затѣмъ обслѣдовалъ заливы Посьета и Св. Ольги, далѣе дошелъ до Императорской гавани и, найдя въ ней Константиновскую бухту весьма удобною для защиты, рѣшилъ тамъ обосноваться и укрѣпиться. Оставляя послѣдній вопросъ до поры до времени открытымъ, Муравьевъ отдалъ слѣдующія распоряженія, относительно распредѣленія подошедшихъ подкрѣпленій: 350 нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ вновь назначеннаго помощникомъ военнаго губернатора Камчатки и командиромъ 47-го флотскаго экипажа капитана 2 ранга Арбузова, съ инженеръ-поручикомъ Мровинскимъ, направить въ Де-Кастри, а оттуда, на транспортѣ «Двина» въ Петропавловскъ; сотню казаковъ и горную батарею оставить на Маріинскомъ посту; остальныхъ 150 нижнихъ чиновъ перевести на усиленіе поста Николаевского. Направившись затѣмъ на шхунѣ «Востокъ» въ Императорскую гавань, Муравьевъ убѣдилъ Путятина въ большей соотвѣтственности приведенія въ исполненіе ранѣ имѣвшагося въ виду плана—о вводѣ «Палады» и шхуны «Востокъ» въ рѣку Амуръ.

Снявъ Константиновскій постъ въ Императорской гавани, Путятинъ подошелъ на «Палладѣ» къ мысу Лазарева, и тамъ фрегатъ сидѣвшій въ водѣ 22 фута и не имѣвшій возможности перейти черезъ баръ въ полномъ грузу, началъ разоружаться, причемъ артилерію его свозили на берегъ.

Между тѣмъ, Муравьевъ лично произвелъ самую подробную рекогносцировку устьевъ Амура и намѣтилъ мѣста сооруженія батарей, долженствовавшихъ оберегать входъ въ рѣку. Покончивъ же съ этою работою, онъ сѣлъ 9-го августа на шхуну «Востокъ» и направился въ Аянъ для дальнѣйшаго слѣдованія сухимъ путемъ въ Иркутскъ, имѣя при этомъ въ виду немедленно вернуть шхуну для провода въ Амуръ «Паллады», находившейся въ крайне печальномъ видѣ по устарѣлости. Уѣзжая, онъ отдалъ такія послѣднія приказанія: всѣ запасы, матеріалы и часть команды перевести изъ Петровскаго въ Николаевское; по вводѣ «Палады» въ Амуръ команду ея размѣстить на зимовку въ Николаевскомъ и приступить къ исправленію фрегата; произвести заготовку лѣса для батарей на мысахъ Куегда, Мео и Чнырахъ по Амуру; въ Николаевское же перевести сгруженную у мыса Лазарева артилерію и припасы, исполнивъ это либо до заморозковъ, либо послѣ открытія навигаціи 1855 года; наконецъ, по вводѣ «Паллады» въ рѣку, ея командира Унковскаго и нѣсколькихъ офицеровъ отправить въ Аянъ, а фрегатъ поручить капитанъ-лейтенанту Бутакову.

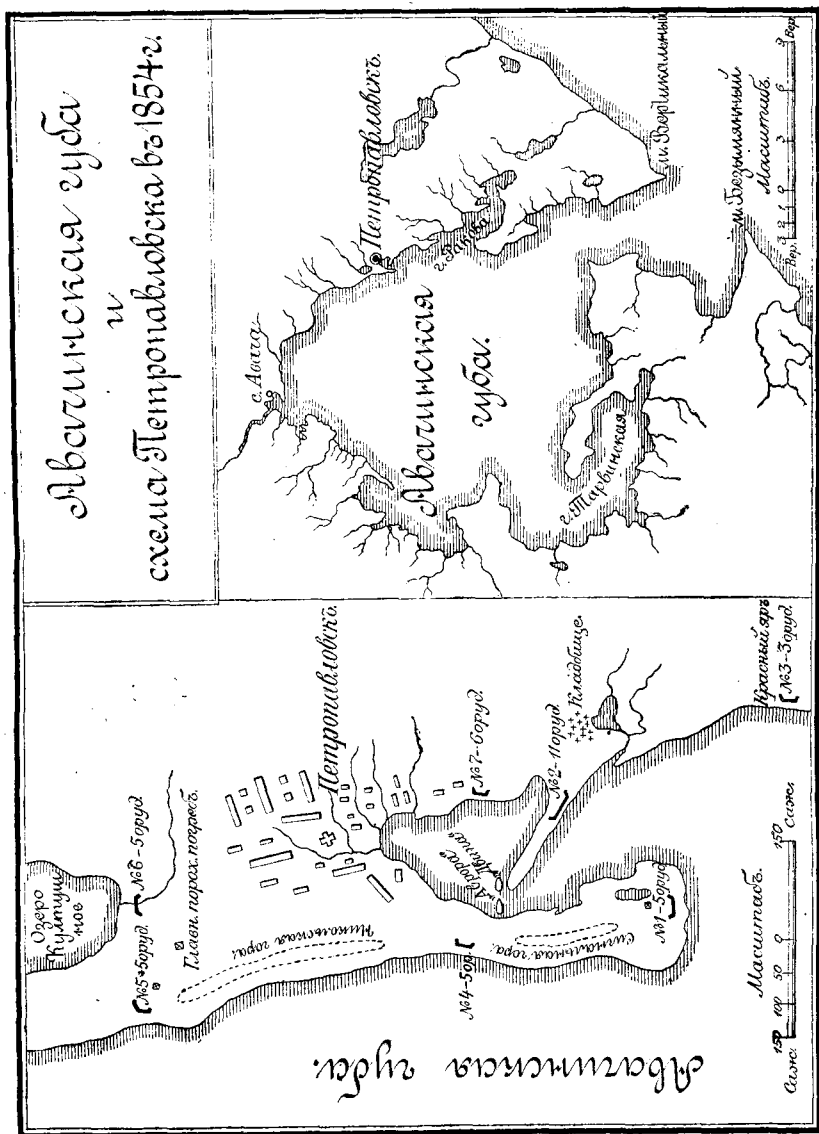
Вводъ «Паллады» въ рѣку, не смотря на громадныя усилія и на то обстоятельство, что она самостоятельно прошла самую трудную часть пути, не удался. Главною тому причиною послужило отсутствіе паровой шхуны «Востокъ», предназначавшейся для этой операціи: шхуну Муравьевъ погналъ изъ Аяна въ Петропавловскъ съ какимъ-то экстреннымъ, не терпѣвшимъ отлагательства, порученіемъ. Тогда Путятинъ рѣшилъ отправить фрегатъ на зимовку въ Императорскую гавань съ тѣмъ, чтобы раннею весною доставить его обратно. Команду оставили въ Николаевскомъ, а судно, снабженное бутафорскимъ вооруженіемъ, пошло по назначенію на буксирѣ фрегата «Діана», пришедшаго 18 іюля въ Де-Кастри съ капитаномъ 2 ранга Лесовскимъ изъ Кронштадта на смѣну «Паллады» и долженствовавшаго провести зиму въ Яноніи. Въ Императорской гавани «Палладу» оставили на попеченіи боцмана Синицына съ командою въ 10 человекъ и дали ему приказъ: въ случаѣ прихода иностранцевъ судно взорвать, а самому съ командой уходить въ лѣсъ. Всѣ приспособленія для взрыва фрегата были сдѣланы заранее.

Тѣмъ временемъ, въ Николаевскомъ кипѣли работы по устройству помѣщеній для командъ, а 22 октября контръ-адмиралъ Невельской (произведенъ 25 августа 1854 г.) заложилъ батарею на мысѣ Куегда, а также шхуну-баржу «Лиманъ» (прозванную впоследствии «Бабушкой»), предназначавшуюся для перевозки весною артилеріи съ мыса Лазарева. Къ зимѣ у Николаевского поста были выстроены двѣ большія казармы, съ походною въ нихъ церковью, снятою съ «Паллады», и съ лазаретомъ, четыре офицерскихъ флигеля, флигель для гауптвахты, казначейства и канцеляріи, нѣсколько магазиновъ, кузница, мастерская, элингъ, сарай для починки гребныхъ судовъ, дюжина домиковъ для женатыхъ нижнихъ чиновъ и магазинъ для товаровъ «Р.-А. К^о». Постъ принялъ видъ небольшого города. Вооруженныхъ силъ къ концу 1854 года состояло: въ Николаевскомъ—820 человекъ, въ Петровскомъ—80, въ Маріинскомъ—150, считая и личный составъ горной батареи. Зима прошла благополучно. Команды были здоровы, веселы и бодры¹⁾.

Въ то время какъ на Амурѣ все обстояло благополучно, не такъ спокойно было на дальнемъ сѣверѣ, на Камчаткѣ. Еще ранней весною 1854 г., въ виду слуховъ о возможности разрыва съ Англіей и Франціей, военный губернаторъ Камчатки, контръ-адми-

¹⁾ Невельской, стр. 320—330, 333—334, 337, 340—342, 344, 349, 351; Барсуковъ, т. I, стр. 359, 362, 368, 371, 373.

раль Завойко, дѣятельно приступилъ къ укрѣпленію Петропавловска. Наличный составъ 47-го экипажа (400 человекъ) работаль на батареяхъ, не покладая рукъ. Съ открытіемъ навигаціи прибыль

въ портъ фрегатъ «Аврора» съ капитанъ-лейтенантомъ Изъльметьевымъ, и тогда же Петропавловскъ былъ снабженъ различными запасами, привезенными на судахъ «Р.-А. К^о» подъ американскимъ флагомъ. Кстати замѣчу, что передъ Восточною войною колоніи

«Р.-А. К^о» были объявлены нейтральными. Лѣтомъ подошелъ и транспортъ «Двина», посланный Муравьевымъ, подъ командою капитанъ-лейтенанта Васильева, съ укомплектованіемъ для 47-го экипажа; на «Двинѣ» прибылъ въ Петропавловскъ и военный инженеръ поручикъ Мровинскій. Эти подкрѣпленія позволили работы ускорить, и къ августу въ Петропавловскѣ были устроены и вооружены шесть батарей: № 1-го, на Сигнальномъ мысу— 5 орудій (3—36 фунт. и 2 пудовыя бомбическія пушки); № 2-го, на косѣ, отдѣляющей малую бухту отъ большой—11—36 фунт. пушекъ; эту батарею считали «главною защитою» нашихъ судовъ и военного порта; № 3-го, на Красномъ Ярѣ—3—24 фунт. пушки; батарея предназначалась для фланкированія позицій непріятельскаго флота, дѣйствующаго противъ батарей №№ 1-го и 2-го; № 4-го, на перешейкѣ Лаперузъ между Сигнальною и Никольскою горами—5—24 фунт. пушекъ; батарея была возведена взамѣнъ старой № 7, разоруженной по неудачности ея расположенія; № 5-го, на перешейкѣ между Култушнымъ озеромъ и Авачинскою губою, на единственномъ мѣстѣ, гдѣ непріятельскія суда могли подойти къ берегу почти вплотную—5—24 фунт. пушекъ; № 6-го, у южнаго берега озера Култушнаго—6—18 пушекъ; батарея предназначалась для дѣйствія по перешейку между озеромъ и бухтою въ случаѣ производства на него десанта. Боевыхъ комплектовъ имѣлось самое ограниченное количество: по 30—50 выстрѣловъ на орудіе. Въ малой бухтѣ поставили «Аврору» и «Діану» на мертвыхъ якоряхъ, правыми бортами ко входу въ бухту; на вооруженіе этихъ бортовъ имѣлось: на «Аврорѣ»—22—24 фунт. и на «Двинѣ»—5—18 фунт. пушекъ; съ лѣвыхъ бортовъ вооруженіе сняли для береговыхъ батарей. Тогда же организовали двѣ стрѣлковыя партіи для отраженія десанта и одну партію для тушенія пожаровъ. Общая численность гарнизона, съ волонтерами, не считая командъ, оставшихся на судахъ, не достигла 900 человекъ. Офицеровъ было на лицо 42. Гарнизонъ былъ вооруженъ преимущественно кремневыми ружьями; ружей пистонныхъ было немного, а штуцера ни одного.

17 августа на горизонтѣ показалась непріятельская эскадра, шедшая подъ американскимъ флагомъ. Немедленно было сдѣлано распоряженіе объ отправленіи всѣхъ женщинъ и дѣтей изъ города на одинъ изъ хуторовъ, отстоявшій отъ берега въ разстояніи 12 верстъ; туда направились пѣшкомъ всѣ, не исключая и семьи губернатора, такъ какъ въ Петропавловскѣ никакихъ лѣтнихъ экипажей не имѣлось. На слѣдующій день непріятель появился на

рейдъ Авачинской губы; эскадра состояла изъ фрегата, корвета и брига французскихъ и изъ фрегата, двухъ корветовъ и парохода английскихъ; всего семь вымпеловъ и 236 орудій, калибрами превосходившихъ наши.

Въ день прихода въ Авачинскую губу непріятель произвелъ лишь незначительную рекогносцировку: суда его подошли ко входу въ бухту и, обмѣнявшись съ нашими батареями нѣсколькими выстрѣлами, ушли на дальній рейдъ. 19 августа готовились къ бою, а 20-го всѣ французскія суда и англійскій пароходъ подошли къ батарее № 1-го и заняли противъ нея позицію въ 450 саж. такимъ образомъ, что на огонь ихъ 83 орудій съ одного борта могли отвѣчать лишь 5 орудій этой батареи. Вскорѣ послѣ открытія огня наши понесли большія потери: нѣсколько человекъ было убито, много ранено, раненъ и командиръ батареи лейтенантъ Гавриловъ; находившійся за горжей батареи утесъ почти искрошили, а самую батарею настолько завалили осколками камней, что продолжать отвѣтный огонь оказалось невозможнымъ; наши заклепали орудія и ушли.

Какъ только умолкла батарея № 1-го, врагъ подтянулъ свои суда къ Сигнальному мысу и открылъ огонь по № 3-му съ разстоянія 450 саж. Однако, огонь этотъ, вслѣдствіе возвышеннаго положенія берега (13 саж.), никакого эффекта не произвелъ. Между тѣмъ, батарея № 3-го, какъ фланкировавшая водный плесъ передъ № 2-мъ, исключала возможность успѣшной атаки на послѣдній, а это побудило непріятеля направить къ Красному Яру десантъ съ цѣлью захвата № 3-го. Десантъ, численностью въ 500 чел., высадился успѣшно и двинулся къ батарее, на которой имѣлось лишь 35 чел. артилерійской прислуги. Не будучи въ состояніи отразить штурма, артиллеристы заклепали орудія и отошли, а непріятель водрузилъ на батарею французскій флагъ, сбиль у всѣхъ орудій прицѣлы, порубилъ станки и одно орудіе даже сбросилъ съ возвышенности внизъ, къ морю. Но тутъ счастье врагу измѣнило: самая батарея находилась подъ хорошимъ обстрѣломъ съ «Авроры» и «Двины», ее стали закидывать снарядами, а партія нашихъ стрѣлковъ, численностью въ 200 чел., двинулась въ контръ-атаку и ударила въ штыки. Французы этого удара не выдержали и спѣшно убрались на свои корабли. Десантъ, хотя и отбитый, но отбитый поздно, свою задачу выполнилъ полностью; батарея № 3-го была выведена изъ строя, а это позволило врагу обрушиться на № 2. Съ этою цѣлью непріятельскія суда выстроились около Сигнального мыса,

въ 450 саж. отъ № 2-го, и позицію избрали такимъ образомъ, что съ батареи могло дѣйствовать только шесть орудій. Бой продолжался около 8 часовъ съ перевѣсомъ успѣха на нашу сторону: хотя на батареѣ и подбили два орудія; но корабли потерпѣли столь существенныя поврежденія, что непріятель долженъ былъ уйти изъ сферы берегового огня.

Ночью вражескій флотъ чинился; производили исправленія и на нашихъ батареяхъ. Все было спокойно. На слѣдующій день англичане хоронили своего адмирала Прейса, не то убитаго, не то застрѣливагося. Въ командованіе союзной эскадрой вступилъ французскій адмиралъ Февріе-де-Пуантъ.

24 августа, въ 4 часа утра, англійскій 56-пушечный фрегатъ «Президентъ» подошелъ къ № 4-му, а французскій 60-пушечный фрегатъ «Фортъ» и пароходъ къ № 5-му. Съ № 4 англичанъ встрѣтили чрезвычайно мѣткими выстрѣлами, съ разстоянія въ 250 саж., отъ которыхъ у фрегата былъ сбитъ флагъ, подбиты гротъ и фокъ мачты и образованы четыре подводныя пробоины. Но не смотря на эти поврежденія, «Президентъ» часъ съ четвертью поддерживалъ батальный огонь. Осыпаемая вражескими снарядами, батарея продолжала наносить врагу большія поврежденія; ея герой—командиръ, князь Максутовъ, самолично дѣйствовалъ у орудій, пока ядромъ у него не оторвало руки; лишившись командира, команда дрогнула, и батарея, на которой къ тому же два орудія было подбито, а у остальныхъ повреждены лафеты, замолчала. Дольше держалась батарея № 5-го, поражавшаяся сначала съ 450, а позднѣе съ 300 саж.; ея же командиръ, капитанъ-лейтенантъ Кораловъ, остался на посту даже послѣ того, когда всѣ орудія были уже сбиты и завалены землей и фашинникомъ; его силою увели послѣ контузій въ голову, и батарея была очищена. Тогда непріятель направилъ на берегъ десантъ, численностью около 800 чел., размѣщенныхъ на 2-хъ ботахъ и 23-хъ барказахъ. Десантъ высадился у батареи № 5-го и двинулся было по направленію къ городу. Тутъ заговорила батарея № 7-го и стала осыпать десантъ картечью. Союзники не замедлили измѣнить направленіе, двинулись на Никольскую гору, укрылись за мѣстными предметами и начали поражать сверху штуцернымъ огнемъ прислугу № 7-го. Батарея временно прекратила огонь; но это врагу спокойствія не доставило. Наши уже сосредоточили все, что было подъ рукою; образовался отрядъ 280 чел. Эта горсть храбрецовъ лихо бросилась на врага, и русскій штыкъ свое дѣло сдѣлалъ: къ 12 часамъ дня ни одного воору-

женнаго врага на берегу не оставалось, а англійское знамя было нашимъ трофеемъ. На портовой территоріи было найдено 38 непріятельскихъ труповъ, въ ихъ числѣ 4 офицера; раненыхъ и часть убитыхъ союзники забрали съ собою при отступленіи; общая ихъ потеря достигла 350 чел. У насъ выбыло изъ строя: убитыми — 31 нижній чинъ, ранеными — 2 офицера и 63 нижнихъ чиновъ.

25 и 26 августа непріятель чинился, а 27 поднялъ паруса и скрылся за горизонтомъ.

Пораженіе англо-французовъ подъ Петропавловскомъ произвело въ Европѣ огромное впечатлѣніе. Всѣ французскія и англійскія газеты въ унисонъ заговорили о реваншѣ и настаивали па снаряженіи въ навигацію 1855 года такихъ силъ, которыя могли бы овладѣть Петропавловскомъ безъ затрудненій. Союзники вняли общественному мнѣнію и стали готовиться. Грядущая судьба нашего тихоокеанскаго военнаго порта не сулила быть отрадною, и явилась мысль вовсе покинуть Петропавловскъ, мысль по обстановкѣ вполнѣ правильная: для подкрѣпленія порта мы не имѣли ни силъ, ни времени; оставалось одно—заставить врага ударить по пустому мѣсту.

Мысль эту и полную самостоятельность приведенія ея въ исполненіе приписываютъ Муравьеву. Такъ говоритъ Невельской; такъ утверждаетъ и извѣстный біографъ Муравьева, Ив. Барсуковъ, авторъ съ огромной эрудиціей по предмету своего изслѣдованія. Барсуковъ даже пишетъ: «И такъ, не спрашивая даже предварительнаго разрѣшенія Государя, Н. Н. Муравьевъ рѣшился оставить Петропавловскъ и перевести эскадру и всѣ учрежденія на Амуръ». Онъ «осмѣлился, не спросившись Его, взять на свою отвѣтственность такую важную мѣру... Это рѣшеніе его можно называть по истинѣ геройскимъ».

Между тѣмъ, все это совершенно невѣрно.

3 декабря 1854 года Великій Князь Константинъ Николаевичъ отправилъ съ курьеромъ къ Муравьеву записку такого содержания:

„Ваше превосходительство предполагаете укрѣпить для будущаго мѣста Камчатку (курс. мой), для чего требуются большія усилія и неимоверныя труды, результатъ коихъ весьма сомнителенъ. Если непріятель рѣшится дѣйствовать въ превосходныхъ силахъ и высадить порядочный десантъ, то едва ли всѣ мѣры, которыя мы въ состояніи принять, будутъ достаточны для отраженія его. Если же онъ подобнаго нападенія не предприметъ, то всѣ усилія наши будутъ не нужны и составятъ только лишніи

расходъ. Здѣсь мы приняли за правило защищать упорно въ будущемъ году только тѣ пункты, которые мы въ дѣйствительности въ состояніи защищать, а прочіе оставить безъ защиты, дабы не дать непріятелю возможности хвастаться побѣдой. Въ Сибири сильнымъ пунктомъ, въ которомъ можетъ найти убѣжище весь тамошній флотъ нашъ и который мы въ состояніи защищать, если соединимъ въ немъ всѣ усилія наши, есть *не* (курс. подл.) Камчатка, а *Амуръ* (то же), а потому не сочтете ли болѣе благоразумнымъ, съ открытіемъ навигаціи, *не посылать* (то же) въ Камчатку военныя силы, а, напротивъ, оттуда вывести оныя, снабдивъ только жителей продовольствіемъ, которое спрятать внутри края, а затѣмъ безоружный городъ или мѣстечко оставить въ гражданскомъ управленіи. Собственно портъ и морскія учрежденія упразднить, суда и экипажи вывести и всѣ военныя способы сосредоточить въ Амурѣ. Мысль эту я докладывалъ Государю, и она удостоилась *предварительнаго* (то же) одобренія Его Величества“.

Въ отвѣтъ на эту записку Муравьевъ, между прочимъ, писалъ: «Я считалъ необходимымъ защищать это мѣсто (Петропавловскъ) до послѣдней крайности (курс. мой) и надѣялся на милость Божію, столь явно покровительствующую Россіи». Далѣе генераль губернаторъ доносилъ, что, освѣдомившись о предстоящемъ значительномъ усиленіи вражескаго флота въ Великомъ океанѣ и о предназначеніи для того линейныхъ кораблей, которые могутъ-де подойти къ самому берегу и безъ десанта «заставить самый храбрый гарнизонъ отступить»—онъ, Муравьевъ, «не смѣетъ» возражать противъ мысли Великаго Князя, одобренной Императоромъ.

Въ самомъ началѣ января 1855 года идея эвакуаціи Петропавловска была окончательно утверждена Верховною Властью, а письмомъ отъ 13 января, Муравьевъ довелъ до свѣдѣнія Константина Николаевича, что, убѣдясь въ грозномъ размѣрѣ силъ непріятеля и въ «невозможности усиленія нашей эскадры паровыми военными судами изъ Америки», онъ направилъ 30 декабря, курьеромъ къ контръ-адмиралу Завойку, есаула Мартынова съ приказомъ покинуть Петропавловскъ при первой же возможности.

Есаулъ Мартыновъ совершилъ путь въ Петропавловскъ паразитически быстро, по выраженію Невельскаго—«со скоростью до этого времени небывалою»: 8.000 верстъ—въ 2 мѣсяца. Онъ вручилъ Завойку предписаніе Муравьева 3 марта, а тотъ тотчасъ же приступилъ къ исполненію возложенной на него операціи съ замѣчательной энергіей. Уже на другой день стали «снимать» укрѣпленія, пушки и снаряды вырывали изъ глубокаго снѣга, портовое имущество—даже оконныя рамы пакгаузовъ, вьюшки печей и

петли съ дверей — упаковывали въ тюки, и все это свозили по не-
вполнѣ уже надежному льду на стоявшія въ гавани суда, именно
на фрегатъ «Аврору», корветъ «Оливуцу», транспорты «Двину»,
«Иртышъ» и «Байкаль» и боты «Кадьякъ» и № 1. Никто въ порту
не зналъ, куда пойдетъ эскадра. Объ этомъ ходили слухи, болѣе
или менѣе фантастическіе. Одни говорили, что идутъ въ Санъ-
Франциско, другіе, что въ устье Анадыри, третьи, что въ Ба-
тавію.

2 апрѣля закончили погрузку судовъ и начали прорубать во
льду каналы для выхода судовъ въ море; затѣмъ на суда былъ по-
саженъ 47-й флотскій экипажъ; всего на эскадрѣ находились 1153
человѣка при 39 офицерахъ; 6 апрѣля она вышла изъ порта и на-
правилась къ югу. «Если, сверхъ ожиданія—доносилъ тогда же
Завойко Августѣйшему генераль-адмиралу—мы встрѣтимъ въ
морѣ сильнаго непріятели, то храбрость офицеровъ и командъ ру-
чается, что ни военное судно, ни знаменитый русскій флагъ не до-
станутся врагу».

Согласно полученнымъ инструкціямъ, жители Петропавловска
были оставлены въ городѣ. Осталась тамъ же и семья Завойка (су-
пруга его находилась въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности). Для
охраны города былъ оставленъ Мартыновъ съ командою казаковъ
и партією волонтеровъ. Мартынову вручили инструкцію «для
дѣйствія противъ непріятели, если онъ двинется далѣе Петропа-
вовскаго порта и для нанесенія непріятели вреда, какой по обстоя-
тельствамъ будетъ возможно сдѣлать».

Плаваніе нашей эскадры сопровождалось полнымъ благополу-
чіемъ. 26 апрѣля она вошла въ Императорскую гавань, гдѣ слѣдо-
вало принять мѣры къ возможной починкѣ «Паллады» и къ пере-
воду фрегата къ мысу Лазарева. Однако, паши, освѣдомившись о
предстоящемъ въ непродолжительномъ времени появленіи въ Та-
тарскомъ проливѣ восьми непріятельскихъ военныхъ судовъ съ ко-
мандоромъ Фридриksomъ, «Палладу» оставиливъ прежнемъ ея видѣ
и положеніи, а Петропавловская эскадра пошла въ заливъ Де-Кас-
три, куда и прибыла къ 5 мая.

Тѣмъ временемъ, въ Петропавловскъ зашло китоловное судно
«Аянь», и случаемъ этимъ Мартыновъ хотѣлъ воспользоваться для
отправки въ Охотскъ и далѣе въ глубь страны семьи Завойка.
4 мая готовы были выйти въ море, но противный вѣтеръ препят-
ствовалъ этому. 8 мая на горизонтѣ показались непріятельскія

суда, пассажиров «Аяна» опять высадили на берег и отправили на тотъ же хуторъ, гдѣ они жили въ дни августовскихъ боевъ. «Аянь» же затопили, предварительно разгрузивъ его и выдавъ имѣвшійся на немъ провiантъ казакамъ.

19 мая въ Авачинскую губу вошла непріятельская эскадра, состоявшая изъ трехъ парусныхъ фрегатовъ и трехъ паровыхъ военныхъ судовъ. Эскадра находилась въ полной готовности къ бою, но подходить къ нашимъ батареямъ близко не рѣшалась. Только 26 числа непріятель замѣтилъ, что батареи разоружены и въ портѣ нѣтъ ни одного судна. Тогда союзники высадились, а наша команда отошла въ глубь полуострова. До 31 мая французы и англичане занимались разореніемъ брошенныхъ батарей и занимались этимъ весьма старательно; сожгли даже всѣ фашины. 31 мая пять вражескихъ судовъ ушли въ море, а оставшіяся выкинули парламентарскій флагъ и подали сигналъ о желаніи размѣняться плѣнными. Мартыновъ отдалъ одного англичанина и одного француза, а за нихъ получилъ трехъ нашихъ. Между тѣмъ, противные вѣтры задержали союзниковъ въ Авачинской губѣ. Чтобы не находиться въ бездѣйствіи, ихъ судовыя команды приступили къ подъему затопленнаго «Аяна», подняли его, дали время судну просушиться, а затѣмъ сожгли. Сожгли также административный флигель и магазины «Р.-А. Б^о». 18 іюня англо-французская эскадра покинула Петропавловскъ и больше не возвращалась¹⁾.

На Амурѣ также ждали врага къ открытію навигаціи и готовились къ отпору его. Еще въ январѣ 1855 года, Муравьевъ предписалъ Невельскому: роту 47-го флотскаго экипажа и команду фрегата «Наллада» имѣть на Николаевскомъ посту, держа отъ нихъ наблюдательные караулы у мыса Лазарева—при имуществѣ, сгруженномъ съ фрегата—и у Петровскаго въ заливѣ Счастья; сотню забайкальскихъ казаковъ и батарею горной артилеріи имѣть у селенія Кизи; въ случаѣ появленія непріятеля въ Де-Кастри, направить туда казаковъ и взводъ артилеріи изъ Кизи, а при обнаруженіи намѣренія врага посадить въ Де-Кастри значительный

¹⁾ К. Мровинскій «Укрѣпленія Петропавловскаго порта въ 1854 г. противъ англо-французской эскадры» (Иж. Журн. 1857 г. № 2), стр. 104, 105, 110—122; Морской Арх., Канцелярія, № 14.839, лл. 1—4, 10, 24, 76, 77, 79—81, 108—113; Тамъ же, записка Завойко, лл. 4, 6 и 7; Ю. Завойко «Воспоминанія о Камчаткѣ и Амурѣ» (1854—1855 гг.), Москва 1876 г. стр. 4, 9, 14, 26—38, 45—50; Барсуковъ, т. I, стр. 374, 379 и 387; Невельской. стр. 354 и 359.

десантъ, выслать туда же флотскую роту изъ Николаевского и второй взводъ артилеріи; при первой возможности насыпать временныя батареи на мысахъ Чнырахъ, Мео и Куегда и вооружить ихъ орудіями съ фрегата «Паллада». Перемятивъ личный составъ согласно изложенному, Невельской еще ранней весной приказала вырубить изъ льда «Надежду», «Аргунь» и «Лиманъ» и изготовить къ спуску на воду всѣ гребныя суда. Но ледъ на Амурѣ еще не тронулся, когда было получено извѣстіе о приходѣ въ бухту Де-Кастри петропавловской эскадры Завойка, а вскорѣ затѣмъ и вѣсть о приближеніи къ той же бухтѣ эскадры непріятельской.

Дѣйствительно: 8 мая, въ 7 ч. утра, съ нанихъ судовъ въ Де-Кастри замѣтили, приближавшихся къ заливу, французскій 52-пушечный фрегатъ «Сибиль», винтовой корветъ и бригъ—всѣ подъ англійскимъ флагомъ. Корветъ отдѣлился отъ своихъ сотоварищей, зашелъ за островъ «Обсерваторія» и открылъ огонь по ближайшему изъ нашихъ судовъ—по корвету «Оливуца». Отвѣтомъ былъ артилерійскій же огонь съ «Оливуцы» и громкое веселое хоровое пѣніе матросовъ на близъ стоявшемъ транспортѣ «Двина». Перестрѣлка не сопровождалась ни потерями, ни поврежденіями судовъ любой стороны и вскорѣ прекратилась. Вражескій корветъ ушелъ къ своимъ и съ ними въ море.

Справедливо предполагая, что то была лишь рекогносцировка врага и имѣя свѣдѣнія о приходѣ въ Татарскій проливъ значительной эскадры лорда Эліота, Завойко собралъ совѣтъ командировъ судовъ, на которомъ и было постановлено: «драться до послѣдней крови». Но въ это время, 13-го числа, въ Де-Кастри прибылъ Невельской, и, послѣ переговоровъ съ Завойкомъ, сказанное рѣшеніе измѣнилось.

Навигація на Амурѣ открылась 10 мая. Невельской тотчасъ же приказала капитанъ-лейтенанту Бутакову идти съ двумя офицерами и командой «Паллады» на шлюпкахъ къ мысу Лазарева и тамъ устроить батарею на восемь 24-фунтовыхъ орудій; въ случаѣ появленія непріятеля, держаться на ней до послѣдней крайности и только при наступленіи критическаго момента заклепать орудія, сжечь все имущество фрегата и отступить сухимъ путемъ къ Амуру. Далѣе, было приказано немедленно насыпать временную батарею на мысъ Куегда и вооружить ее для непосредственной защиты Николаевского. Завойкъ Невельской предложилъ безотлагательно идти со всѣми судами въ лиманъ къ мысу Екатерины, стараться

пройти отсюда за мысь Лазарева, а подъ прикрытіемъ лазаревской батареи попытаться пройти въ рѣку. Это предложеніе было принято, и въ Де-Кастри оставили лишь незначительный наблюдательный постъ, да удалили отъ урѣза воды въ глубь материка всѣхъ туземцевъ, дабы врагъ не могъ узнать, куда ушли наши суда. Наконецъ, Невельской распорядился вводомъ винтовой шхуны «Востокъ», стоявшей въ заливѣ Счастья, въ устье р. Лачъ и приказалъ караулу въ Петровскомъ, при приближеніи непріятеля, сжечь всѣ постройки и также отступить къ названной рѣчкѣ.

Кстати замѣчу, что шхуна «Востокъ» оказалась въ заливѣ Счастья послѣ цѣлаго ряда злоключеній. Посланная, какъ мы видѣли, осенью 1854 г. Муравьевымъ изъ Аяна въ Петропавловскъ съ экстреннымъ порученіемъ, она едва не встрѣтилась съ непріятельскою эскадрою и избѣгла этого лишь быстрой переměной курса и отступленіемъ полнымъ ходомъ къ западному побережью Камчатки. По пути на суднѣ обнаружилась течь и при томъ столь сильная, что командиръ шхуны, лейтенантъ Римскій-Корсаковъ, рѣшилъ выброситься на мель. Починившись на мели, шхуна пошла въ Большерѣцкѣ и уже только отсюда пробралась въ заливъ Счастья.

23-го мая эскадра Эліота, въ полномъ составѣ, подошла къ Де-Кастри. Непріятель былъ крайне удивленъ, не найдя тамъ ни одного изъ нашихъ судовъ. Высланный на берегъ десантъ не нашелъ ни одной живой души. Находясь же еще подъ гипнозомъ «открытій» Лаперуза, Броутона и Крузенштерна, видѣвшихъ перешеекъ между материкомъ и Сахалиномъ на траверсѣ мыса Лазарева, и посему полагая, что наши суда могли уйти только на югъ, Эліотъ пошелъ въ томъ же направленіи искать своего противника.

Этотъ афронтъ, испытанный англо-французами, произвелъ въ Европѣ. Въ печати поднялся шумъ, а англійская газета «United Service» обрушилась по адресу Эліота весьма тяжелымъ обвиненіемъ: «это исчезновеніе цѣлой эскадры изъ нашихъ глазъ, такъ дурно рекомендующее нашу бдительность, будетъ — говорила она — пятномъ на британскомъ флагѣ. Всѣ воды океана не будутъ въ состояніи смыть это гнусное безчестіе».

Удалявшійся къ югу Эліотъ перехватилъ часть экипажа фрегата «Діана», погибшаго въ зиму на 1855 годъ въ Японіи во время землетрясенія, и чуть не захватилъ самого адмирала Путятина. Послѣ крушенія въ одной изъ бухтъ японскаго побережья «Діаны»

Путятинъ построилъ въ той же бухтѣ парусную шхуну «Хеду», весьма понравившуюся японцамъ, незамедлившимъ воспользоваться предложеніемъ адмирала поглядѣть на способы постройки мореходныхъ судовъ и на приемы управленія ими. Затѣмъ, онъ зафрахтовалъ два иностранныхъ купеческихъ судна, и весь отрядъ съ экипажемъ «Діаны» направился весною въ Петропавловскъ. На «Хедѣ» находился самъ Путятинъ, а командовалъ ею капитанъ 2 ранга Посѣтъ; однимъ купцомъ командовалъ капитанъ 2 ранга Лесовскій, а другимъ—капитанъ 2 ранга Мусинъ-Пушкинъ. По пути Мусинъ-Пушкинъ отсталъ и потерялся, а два другія судна, не заставъ уже никого въ Петропавловскѣ, повернули на югъ. Почти на глазахъ у врага «Хеда» и купецъ Лесовскаго прошли въ Татарскій проливъ, а въ исходѣ іюня вошли въ Амуръ. Мусинъ-же-Пушкинъ былъ застигнутъ союзниками у южнаго побережья Сахалина, и его судно досталось трофеемъ непріятелю. Нашихъ было взято въ плѣнъ: 7 офицеровъ, 3 чиновника и 256 нижнихъ чиновъ.

Путятинъ задержался на Амурѣ не долго: въ началѣ августа онъ, вмѣстѣ съ Посѣетомъ, направился на паровомъ катерѣ «Надежда» въ Забайкалье. Путь былъ крайне тяжелъ: шестисильный катеръ во многихъ мѣстахъ не выгребалъ противъ теченія—его приходилось тогда тащить на бечевѣ, причемъ, по малочисленности команды, въ работѣ участвовали и оба путешественника: шли отчаянно медленно, а время было позднее; на рѣкѣ появилась шуга, а затѣмъ и ледъ; не доходя до Усть-Стрѣлки верстъ трехсотъ, катеръ приковали на зимовку къ скалѣ; дальнѣйшій путь до Усть-Стрѣлки, путь по пустынѣ, адмиралъ съ Посѣетомъ совершили пѣшкомъ. Далѣе направились черезъ Забайкалье въ Иркутскъ и въ Петербургъ. Невыносимая тяжесть пути—по догадкѣ Барсукова, догадкѣ вполне основательной—оставила въ Путятинѣ то дурное впечатлѣніе объ Амурѣ, которое обусловило дальнѣйшую недоброжелательность его къ амурскому дѣлу вообще.

Плѣненіемъ Мусинъ-Пушкина и части экипажа «Діаны» не завершились въ 1855 году подвиги союзнаго флота въ Тихомъ океанѣ. Въ серединѣ лѣта вражескій фрегатъ, винтовой корветъ и бригъ настигли въ сѣверной части Татарскаго пролива, почти у входа въ амурскій лиманъ, шедшій изъ Аяна бригъ «Р.-А. К^о»—«Охотскъ». Командиръ этого судна, шхиперъ Юзеліусъ, не видя возможности уйти отъ непріятеля, посадилъ свою команду на гребныя суда, а бригъ взорвалъ. Шлюпки съ командой направились къ

берегу; непріятель же открылъ по безоружнымъ людямъ ружейный и пушечный огонь и послалъ погоню также на гребныхъ судахъ. Большинство мирной команды перебили, часть забрали въ плѣнъ. По донесенію Муравьева Великому Князю Константину Николаевичу, только «храбрый шхиперъ Юзеліусъ» съ семью человекѣми да штурманскій подпоручикъ Воронинъ, который былъ взятъ на бортъ «Охотска» для провода брига въ лиманъ, успѣли на двухъ вельботахъ выгresti и благополучно достигли Николаевска. Непріятель, не входя въ лиманъ, повернулъ на сѣверъ и пошелъ въ Аянь. Тамъ союзники высадили 400 чел. десанта, но дѣлать имъ было нечего: никакихъ вооруженныхъ силъ на мѣстѣ не имѣлось; большая часть жителей ушла въ глубь страны. Англо-французы перерыли нѣсколько огородовъ, отыскивая якобы зарытыя въ нихъ пушки; не найдя же ни одного орудія, вернулись на суда и ушли въ открытое море ¹⁾.

Лѣтомъ 1855 года силы Амурскаго отряда еще болѣе увеличились подвозомъ по рѣкѣ 15-го линейнаго баталіона, двухъ ротъ 14-го баталіона и своднаго казачьяго полубаталіона забайкальцевъ. По Амуру же подвезли въ Николаевскъ крѣпостную артилерію и обильные запасы продовольствія и военныхъ припасовъ, рогатый скотъ и проч. Въ этотъ второй амурскій сплавъ по рѣкѣ шли тремя эшелонами; на первомъ, состоявшемъ изъ 26 баржъ, находился самъ Муравьевъ съ своею супругою, Екатериною Николаевною; вторымъ, въ 64 баржи, командовалъ командиръ 15-го линейнаго баталіона Назимовъ; третьимъ, въ 35 баржъ,—полковникъ Корсаковъ. При сплавѣ находилась ученая экспедиція Маака и первые русскіе переселенцы.

Еще 30-го октября 1854 г. Муравьевъ предупредилъ пекинскій трибуналъ о предстоящемъ второмъ сплавѣ, поясняя, что таковой предпринимается, «дабы тѣмъ предупредить и остановить враждебные замыслы иностранцевъ... во время устройвъ такое *обоюдное дѣло*». Предупрежденіе это онъ повторилъ 18-го февраля 1855 г., указывая, что пойдетъ по Амуру съ войсками и пушками «истребить» англичанъ, которые захотятъ завладѣть устьемъ Амура и прорваться въ рѣку, для чего (?) уже дѣлали попытку овладѣть Камчаткой, но были тамъ отбиты съ большимъ урономъ. Выѣхалъ

¹⁾ Морской Арх., Канцеляр., № 14839. лл. 30, 31, 71—74, 118, 119; тамъ же, записка Завойка, лл. 8—13, 20; Барсуковъ. т. I, стр. 413, 417; Невельской, стр. 353, 355—357, 360, 376.

Муравьевъ изъ Иркутска 30-го марта и поспѣлъ къ мѣсту заготовки судовъ для сплава къ самому началу открытія навигаціи. Предполагалось, что онъ пойдетъ по Амуру на вновь отстроенномъ пароходѣ «Шилка», но пароходъ этотъ оказался еще неготовымъ: его изготовили къ плаванію только 18-го августа, погрузили десятью 24-фунтовыми пушками и направили въ Николаевскъ; однако, и тутъ вышла неудача: «Шилка» стала на мель противъ Албазина и навигацію этого года пропустила. Муравьевъ сѣлъ на одну изъ баржъ и двинулся въ путь съ рѣшеніемъ нигдѣ не задерживаться, кромѣ устья Буреи, гдѣ предполагалось высадить сотню казаковъ въ качествѣ сторожевого поста, долженствовавшего наблюдать за Айгуномъ. При проходѣ перваго эшелона мимо устья Зеи, изъ манчжурскаго селенія Сахалинъ-ула, противолежащаго этому устью, явились нарочные отъ айгунскаго губернатора и передали Муравьеву просьбу послѣдняго повидаться съ нимъ въ Айгунѣ. При свиданіи произошелъ обмѣнъ увѣреній во взаимной дружбѣ, и увѣренія эти были настолько со стороны китайскаго сановника искренними, что Муравьевъ даже отмѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе о занятіи устья Буреи. Во всеподданнѣйшей своей запискѣ о плаваніи, онъ между прочимъ докладывалъ, что изъ разговоровъ съ айгунскимъ губернаторомъ нельзя было не понять, что «высшее китайское правительство предписало ему свободно пропускать наши суда, оказывая имъ даже содѣйствіе, и хотя онъ намекалъ, что относительно будущаго времени плаваніе намъ по Амуру не будетъ позволено, но прибавилъ къ сему, однако—если не будетъ на то особаго соизволенія богдыхана».

Была ли догадка Муравьева правильной или неправильной—судить трудно, ибо въ то время политика Китая отличалась крайнею неискренностью. Но нельзя не отмѣтить, что пекинскій трибуналъ, быть можетъ только такъ сказать для порядка, запротестовалъ противъ использованіе нами Амура, какъ средства сообщенія, и направилъ въ концѣ 1855 г. въ Петербургъ ноту съ указаніемъ, что сказанное использованіе Амура «не совсѣмъ позволительно». На ноту эту отвѣтилъ самъ Муравьевъ и въ листѣ своемъ убѣждалъ трибуналъ, что мы не можемъ допустить иностранцевъ въ Амуръ, вытекающій изъ нашихъ областей и впадающій въ море въ неразграниченныхъ мѣстахъ. Къ этому, для вящшей убѣдительности, онъ присовокуплялъ, что въ Восточной Сибири мы собрали 100,000 войска и полагаемъ еще больше усилиться, что единствен-

ная цѣль сплавовъ—укрѣпленіе устьевъ Амура, что эта мѣра ведетъ къ обоюдной выгодѣ, ограждая Китай отъ проникновенія въ него враждебныхъ иностранцевъ по великой рѣкѣ, наконецъ, что для достиженія сказанной цѣли русскимъ необходима свобода перевозовъ къ устьямъ Амура, почему плаваніе по нему должно быть также «постоянно свободнымъ».

Сплавъ 1855 г. былъ совершенъ вполне благополучно. Первый эшелонъ прибылъ къ устью Амуру 31-го мая, послѣдній — къ 1-му іюля. «Это—пишетъ контръ-адмиралъ Завойко—по истинѣ блистательное счастливое событіе, коимъ побѣждены многія препятствія и опасности плаванія по великой, почти неизвѣстной, рѣкѣ, на баржахъ, построенныхъ съ необыкновенною скоростью, обезпечило продовольствіе При-Амурскаго края до іюня мѣсяца будущаго года».

Съ прибытіемъ подкрѣпленій, у устьевъ Амура сосредоточились силы, общою численностью въ 7,000 чел. Муравьевъ объявилъ себя главнокомандующимъ всѣми сухопутными и морскими силами Приамурья и далъ контръ-адмиралу Невельскому предписаніе, въ которомъ указывалось: 1) Амурская экспедиція упраздняется и замѣняется управленіемъ камчатскаго военнаго губернатора контръ-адмирала Завойка, мѣстопробываніе котораго—Николаевскъ; 2) Невельской назначается начальникомъ штаба главнокомандующаго; 3) всѣ чины бывшей Амурской экспедиціи подчиняются Завойку; 4) суда сосредоточившейся у Амура эскадры подчиняются командиру «Авроры», капитану 1 ранга Изыльметьеву; 5) главная квартира—въ Маринскѣ. Тогда же всѣ сухопутныя войска, за исключеніемъ казаковъ, были подчинены полковнику Корсакову, а казаки—подполковнику Сеслаину.

Назначеніе Невельскаго начальникомъ штаба фактически являлось золоченіемъ пилули—устраненія его отъ активной дѣятельности. По этому поводу Муравьевъ писалъ Корсакову. «Такимъ образомъ, Невельской, съ громкимъ названіемъ, не будетъ никому мѣшать и докончить свое тамъ поприще *почетно*» (курс. подл.).

На первый взглядъ представляется, что такой финалъ дѣятельности чловѣка, съ изумительнымъ самоотверженіемъ служившаго родинѣ и принесшаго ей огромную пользу, окончательно и совершенно не заслуженъ. Но, принимая во вниманіе исключительность натуры этого горячаго патріота—властность и непоколебимость въ

рѣшеніяхъ, признаваемыхъ имъ полезными при данной обстановкѣ—нельзя не признать, что такія лица имѣютъ всѣ задатки быть либо прекрасными *главнокомандующими*, либо замѣчательными *партизанами*, и во всякомъ случаѣ *вполнѣ самостоятельными* вершителями всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ ихъ дѣятельности. Для завѣдыванія отдѣлами большого цѣлаго, для командованія частями большой арміи, для точнаго выполненія директивъ высшаго начальника, уклоненія отъ которыхъ невозможны безъ разстройства общей идеи, общей задачи—Невельскіе не годятся. На этомъ и поставлю точку, хотя и не безъ грусти, ибо въ золотой пилюлѣ, поднесенной Невельскому, сердце инстинктивно чувствуетъ что-то неладное, что-то не вполнѣ справедливое.

По всѣмъ даннымъ, Невельскому не была извѣстна подкладка его назначенія на новую должность. Иначе онъ не началъ бы своей новой службы представленіемъ начальнику ряда подробныхъ соображеній своихъ объ устройствѣ края. Эти соображенія во всякомъ случаѣ нельзя обойти молчаніемъ. Основною его мыслью было положеніе, что *«война съ внѣшнимъ врагомъ здѣсь кончена»* (курс. подл.). Неосвѣдомленность непріятели относительно входа въ амурскій лиманъ съ юга и условій плаванія по нему, затрудненнаго банками, мелями и непрерывными быстрыми теченіями—съ одной стороны, гористыя, лѣсистыя, пустынные и бездорожныя прибрежья Приамурья и Уссурийскаго края—съ другой, все это представляетъ для непріятели, нападающаго съ моря, непреодолимыя препятствія. Онъ окажется вынужденнымъ ограничиться лишь блокадою береговъ Охотскаго моря и Татарскаго пролива и этимъ принесетъ намъ только пользу, закрѣпляя такими своими дѣйствіями за Россіей какъ названные края, такъ и Сахалинъ. «Засимъ, здѣсь остается для насъ одинъ неизбѣжный внутренній врагъ—морозъ и неблагоприятныя условія для здоровья зимующихъ въ пустынѣ людей». Безотлагательно необходимо приступить къ постройкѣ помѣщеній для войскъ и запасовъ и привлечь къ этой работѣ всѣ войска, оставивъ въ боевомъ положеніи лишь сотню казаковъ при двухъ горныхъ пункахъ въ Де-Кастри. Необходимо завязать сношенія съ манчжурами, а для успѣшности таковыхъ поставить 5—6 постовъ между Маринскомъ и устьемъ Сунгари. Совершенно необходимо использовать для русскихъ нуждъ, использовать въ ближайшій срокъ, естественныя богатства края, какъ источникъ для содержанія нашихъ силъ въ краѣ мѣстными средствами первой необходимости,

до поры до времени не увлекаясь возможностью добычи золота и других цѣнныхъ ископаемыхъ. Весьма желательно административный центръ края перенести на устье Усури, ибо главнымъ объектомъ русскихъ на амурской окраинѣ интересовъ является Южно-Уссурийскій районъ, сообщеніе съ которымъ можетъ производиться пока только по названной рѣкѣ. «Средства, опредѣляемые правительствомъ на этотъ край, отнюдь не должны быть расточаемы на образованіе дорого стоящей бюрократической администраціи съ толпою различныхъ видовъ чиновниковъ, на сооруженіе капитальныхъ зданій и укрѣпленій»—средства эти должны быть употреблены на водвореніе нашего владычества на югѣ, имѣя въ виду, что, оберегаемымъ дикою природою и бездорожицей, «надолго еще въ этомъ краѣ намъ должно оставаться какъ бы въ лагерь».

Представленіе начальника штаба, назначеннаго на эту должность для того, чтобы онъ «никому не мѣшалъ», естественно, было положено подъ сукно, и это не осталось секретомъ для Невельского. Однако, и тутъ онъ сѣтовалъ не на Муравьева, а на лицъ, его окружавшихъ. «Эти воспитанники Кавказа, Марсова поля и Красносельскихъ лагерей и маневровъ—писалъ онъ—не могли себѣ представить, что безъ свинца, пуль и ядеръ, треска и шума реляцій и ихъ спутниковъ—крестовъ, чиновъ и отличій—могла кончиться здѣсь война». Особенно огорчительнымъ представлялись Невельскому небреженіе его соображеніями экономическаго характера и та закваска, положенная въ этомъ отношеніи муравьевскими чиновниками, которая завершилась въ послѣдствіи рядомъ несуразныхъ условій мѣстной жизни: развитіемъ бюрократизма, нежеланіемъ изслѣдовать край и использовать мѣстныя средства, доставкой провіанта кругомъ свѣта, пренебреженіемъ къ земледѣлію, наплывомъ хищниковъ-золотоискателей и т. д. ¹⁾

Но вернемся къ жизни на Амурѣ въ 1855 году.

Въ іюлѣ фрегатъ «Аврора» и корветъ «Оливуца», съ помощью парохода «Аргунь», провели черезъ баръ, для чего съ фрегата сняли всю артилерію, кромѣ 5 орудій, и бизань мачту; фрегатъ отвели въ Пальвинскую протоку, а корветъ поставили у передовой

¹⁾ Государ. арх., азиат. д-тъ, № 6/69, лл. 50—55, 71—73, 133—139; Морск. арх., канц., № 14,842, лл. 1—3 и № 14,839 (Зап. Завойка), л. 14; Барсуковъ, т. I, стр. 396, 403, 410, 418; Назаровъ, стр. 62; Невельской, стр. 361—366.

батареи для ея поддержки. Въ Амуръ же ввели, а затѣмъ отправили на зимовку въ Пальво, паровую шхуну «Востокъ», транспорты «Двина», «Иртышъ», «Байкаль» и пароходъ «Аргунь». Такимъ образомъ, въ Амурѣ нашли пристанище всѣ наши военныя суда, находившіяся въ Тихомъ океанѣ, кромѣ инвалида «Паллады». Этотъ фрегатъ по прежнему оставался въ Императорской гавани, которая, благодаря прекрасной маскировкѣ съ моря очертаніемъ береговъ, вовсе не была открыта непріателемъ. Тамъ «Паллада» и нашла свою могилу, будучи затоплена въ февралѣ 1856 года по приказу Завойка, снявшаго также и Константиновскій постъ.

1-го октября 1855 г. Муравьевъ съ супругою и штабомъ направился въ Аянъ на зафрахтованномъ для того американскомъ бригѣ «Пальмето». По пути судно застигъ мертвый штиль, и пришлось передвигаться завозомъ якорей; въ этой тяжелой работѣ, по малочисленности экипажа, принялъ участіе весь штабъ генерала. У выхода изъ Татарскаго пролива задулъ вѣтеръ, и судно распустило паруса. Вѣтеръ не былъ попутнымъ, но это, пожалуй, къ счастью: на горизонтѣ показалось вражеское военное судно и повернуло на «Пальмето», для чего пришлось лавировать, при чемъ лавировка продолжалась десять сутокъ, а наступившій густой туманъ позволилъ нашимъ ускользнуть отъ непріателя. Въ Аянъ пришли 18-го октября и ночью же направились въ горы, что оказалось весьма предусмотрительнымъ, такъ какъ на утро въ портъ явилось преслѣдовавшее «Пальмето» судно. Не найдя въ Аянѣ ни орудій, ни войска и не узнавъ на нейтральномъ бригѣ о дѣйствительной цѣли его захода въ портъ, вражеское судно ушло въ море. Муравьевъ же вернулся въ городъ, а въ дальнѣйшій путь, на Якутскъ и Иркутскъ, направился уже по санному пути. Свое путешествіе на «Пальмето» генералъ губернаторъ не замедлил выставить китайскому правительству, какъ результатъ отбитія вражескихъ судовъ отъ устья Амура, отбитія, сопровождавшагося уходомъ врага изъ нашихъ водъ. Но врагъ фактически еще не ушелъ.

8-го октября въ заливъ Де-Кастри вошелъ отрядъ комодора Элиота—фрегатъ «Сибилла» и два винтовыхъ корвета «Энкаунтеръ» и «Гонетъ». Въ заливѣ стояло тогда американское судно «Берингъ», привезшее на Александровскій постъ запасы для нашей амурской эскадры, а на самомъ посту находился есаулъ Пузино съ

сотнею казаковъ и съ двумя горными орудіями; тутъ же было нѣсколько морскихъ офицеровъ, присланныхъ изъ Николаевска для принятія груза съ «Беринга». Эліотъ посадилъ на 8 гребныхъ судовъ 400 чел. десанта и направилъ ихъ къ берегу. Наши отошли отъ берега еще при обнаруженіи непріятеля на горизонтѣ и укрылись за опушкой близъ расположеннаго лѣса. Какъ только англичане высадились на берегъ, нашъ отрядъ открылъ ружейный и пушечный огонь; непріятель тотчасъ же обратился въ бѣгство къ своимъ судамъ; только одинъ барказъ, ставшій на мель, сталъ отвѣчать на выстрѣлы нашихъ, но горныя пушки быстро расправились съ нимъ. Непріятель потерялъ въ этой стычкѣ 25 чел.; наши потери ограничились тремя ранеными.

Предполагая, что Эліотъ командовалъ авангардомъ эскадры адмирала Стерлинга, Завойко направилъ въ Де-Кастри Сеславина съ четырьмя сотнями казаковъ и Назимова съ 14-мъ линейнымъ баталіономъ, а также распорядился устройствомъ на берегу бухты батарей. Эліотъ пробылъ у Де-Кастри до 19-го октября; пытался бомбардировать берегъ; пытался и высаживать десантъ; но всѣ эти попытки не имѣли никакого успѣха. Къ этому времени наши батареи въ Де-Кастри находились еще въ зачаточномъ состояніи, а вскорѣ пришло отъ Муравьева приказаніе вовсе оставить мысль о постройкѣ батарей. Соглашаясь съ предположеніемъ Завойка, что съ открытіемъ навигаціи 1856 г. къ Де-Кастри можетъ подойти вся союзная эскадра, и одобривъ его распоряженіе объ усиленіи тамъ нашего отряда, предназначеннаго для отбитія десанта, Муравьевъ не видѣлъ цѣли въ устройствѣ батарей, «которыя не могли бы устоять противъ семи и восьми сотъ непріятельскихъ орудій».

Наступилъ 1856 годъ, а вскорѣ пришла и вѣсть о заключеніи съ Франціей и Англіей мира. Присутствіе на Амурѣ столь большихъ военныхъ и военно-морскихъ силъ стало излишнимъ. Между тѣмъ, содержаніе ихъ стоило дорого, такъ какъ все необходимое приходилось привозить изъ Забайкалья, а частью даже изъ Европейской Россіи. Тогда Муравьевъ отдалъ приказаніе вернуть всѣ войска, кромѣ 15-го линейнаго баталіона, сотни забайкальцевъ и горной батареи, въ мѣста ихъ прежняго квартированія, а военнымъ судамъ приготовиться къ плаванію по распоряженію морского начальства. «Аврора», «Оливуца» и «Двина» были энергично подготовлены къ совершенію пути въ Кронштадтъ. За войсками же,

третьимъ сплавомъ по Амуру, пришло 110 баржъ во главѣ съ подковникомъ Буссе. Впереди Буссе шель Корсаковъ на «Надеждѣ» съ канонеркой и десяткомъ барказовъ; онъ учредилъ три поста — Кумарскій, Зейскій и Хинганскій (у Малаго Хингана) — въ качествѣ этаповъ для слѣдованія войскъ въ Забайкалье; этапы были снабжены продовольствіемъ для войскъ, хотя и въ ограниченномъ количествѣ. Отчасти это обстоятельство, отчасти стеченіе цѣлаго ряда неблагоприятныхъ условій плаванія, возвращеніе войскъ съ устья Амура сопровождалось большою неудачею и даже бѣдствіями. Однако, современная печать раздула злословія миссіи Буссе до катастрофы, которой въ дѣйствительности не было. Многіе утверждали даже, будто при этомъ погибъ почти весь отрядъ. Фактически же всѣ казаки достигли Забайкалья благополучно, еще до замерзанія рѣки, а пришлось тяжело однимъ линейцамъ. Они добрались до Кумары только глухою осенью и тамъ были застигнуты ледоходомъ. Пришлось высадиться на берегъ и размѣститься въ убогихъ палашахъ. Такъ прожили 16 дней, пока ледъ на рѣкѣ не сталъ. Дальнѣйшій путь совершили пѣшкомъ, волоча за собою самодѣльные сани съ имуществомъ, продовольствіемъ и больными. Недостатокъ продовольствія и суровость зимы, сопровождавшейся сильными вѣтрами, мятелями и морозами, породили въ средѣ линейцевъ различныя болѣзни, до голоднаго тифа включительно, и отрядъ потерялъ умершими 183 чел. Конечно, убыль эта велика; но она весьма далека отъ поголовной гибели всего отряда, численностью около трехъ тысячъ человекъ.

Въ концѣ октября 1856 г. была образована особая Приморская область, а 31-го числа того же мѣсяца Высочайше утверждено положеніе объ ея управленіи. Согласно этому положенію, въ составъ области вошелъ весь районъ низовьевъ Амура и Камчатка; во главу управленія былъ поставленъ военный губернаторъ, надѣленный правами начальника дивизіи какъ по отношенію къ сухопутнымъ, такъ и къ морскимъ воинскимъ чинамъ; онъ же считался начальникомъ всѣхъ портовъ области, а военные суда, находившіяся въ послѣднихъ, должны были состоять «въ непосредственномъ его вѣдѣніи, распоряженіи и на его попеченіи»; мѣстопробываніемъ военнаго губернатора былъ назначенъ *городъ* Николаевскъ. Первымъ военнымъ губернаторомъ Приморской области былъ капитанъ 1-го ранга Казакевичъ.

Къ тому времени Невельского на Амурѣ уже не было. Судя по обрывочнымъ свѣдѣніямъ, найденнымъ въ морскомъ архивѣ, онъ хлопоталъ тогда въ Петербургѣ о назначеніи ему приличной пенсіи при отставкѣ¹⁾.

Г. Тимченко-Рубанъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Морск. Арх., Канцелярія, № 14839, лл. 71, 75, 81; тамъ же, записка За-
войка, лл. 55, 56; II Полн. Собр. Зак., №№ 31,080, 31,081; Барсуковъ т. I, стр.
134, 435, 442, 450, 452, 456—160; Назаровъ, стр. 64; Невельской, стр. 368, 379,
380—385.